

Ж. Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из главы II «Политика примирения монтаньяров (июнь - июль 1793 года)»

М., 1983. Том VI. С.145-154.

КОНСТИТУЦИЯ МОНТАНЬЯРОВ

Может также показаться, что в преамбуле конституции, которую Гора принимает в несколько дней и которую она собирается представить народу после 24 июня, сказывается ослабление революционной мысли¹. Проект Кондорсе, верный духу энциклопедистов в том, что было в нем самого свободного и самого ясного, взывал только к разуму человека и не предусматривал других гарантий².

Гора провозглашает Права Человека «в присутствии Верховного существа». Хотела ли она укрепить деизм большинства своих членов? Хотела ли она главным образом успокоить народы, все еще находящиеся во власти христианской традиции, и, не склоняясь перед суеверием духовенства, привлечь бога на сторону Революции? Она хотела ограничить движение в Вандее, предупредить пагубное распространение религиозного фанатизма. Но особенно она торопилась предложить Франции конституцию. Верующие, по-видимому, требовали ответа, будет ли имя бога, упоминавшееся в Конституции 1791 г., вычеркнуто из Конституции 1793 г.; атеистов не очень смущало упоминание «Верховного существа» следовательно, самое простое было вписать в конституцию этот неопределенный псевдоним бога.

Кроме того, Гора пересматривает жирондистский проект конституции с целью упростить и облегчить его, сделать более быстрым и более действенным механизм выборов и законодательства, рискуя при этом ограничить внешне широкую систему политической демократии, предложенную Жирондой.

Кондорсе неизменно указывал на непосредственное осуществление суверенитета нации. Все выборы должны были происходить путем всеобщего прямого голосования; больше не должно было быть ни двухступенных выборов, ни собраний выборщиков. Первичные собрания должны непосредственно избирать всех тех, кто призван либо представлять суверена, либо управлять от его имени. Они должны выбирать муниципальные власти, администраторов департаментов, депутатов; первичные собрания должны также назначать судей. Более того, они должны назначать министров, Исполнительный совет, впрочем, при помощи довольно сложного механизма. В каждом департаменте первичные собрания должны составлять списки, содержащие тринадцать имен кандидатов. Законодательная власть должна собрать эти списки и, после подсчета голосов, составить единый список кандидатов, на основании которого первичные собрания сделали бы затем окончательный выбор.

Итак, муниципалитеты назначались первичными собраниями каждой коммуны; администраторы департамента - первичными собраниями каждого департамента, а министры - первичными собраниями всей Франции, причем в этом случае департамент был лишь избирательной секцией. Депутаты избирались по кантонам от 50 тыс. жителей, так что единственной основой представительства была численность населения. Депутаты составляли лишь одну палату; их избирали всего на один год, и все решения законодательной власти подлежали постоянному прямому контролю нации. Решения первичных собраний двух департаментов было достаточно для того, чтобы обязать законодательную власть передать на народный референдум тот или иной закон, тот или иной декрет. Это «народная цензура над действиями национального представительства», и теоретически это кажется неограниченной демократией. Против такой системы монтаньяры выдвинули три существенных возражения. Прежде всего, учреждая большие коммуны, в которых было бы слито и поглощено много мелких коммун (должны были исчезнуть 14 тыс. коммун), она разрушала ту революционную муниципальную жизнь, которая самой своей раздробленностью поощряла стихийную инициативу отдельных лиц и предотвращала умеренную и федералистскую деятельность промежуточной администрации дистрикта или департамента. Во-вторых, она ослабляла волю народа, предполагая прибегать к ней в исключительных случаях. Уставший народ вскоре отвернулся бы от своего собственного права и предоставил бы действительное осуществление своего суверенитета нескольким интриганам, если бы он должен был проводить свою жизнь в первичных собраниях. И какой закон смог бы достичь цели, преодолев все эти осложнения? Это означало установить вето национального суверенитета над самим собой. Наконец - и Сен-Жюст до 31 мая³ сформулировал это возражение с особой силой, - назначать министров всей нацией, когда каждый депутат будет избираться только округом, насчитывающим 50 тыс. человек, означало предоставить исполнительной власти подавляющую силу. Это означало создать для суверенного народа «не храм, а могилу». Это означало отдать нацию в руки патрициата из известных людей, которые одни смогли бы успешно выступать на выборах, имеющих столь широкий характер. Это означало создать вскоре олигархию правителей в качестве истолкователя воли нации.

По этим трем пунктам Конвент полностью изменяет проект жирондистов. Он оставляет в неприкосновенности кипучую революционную жизнь небольших коммун. Для избрания представителей он сохраняет всеобщее прямое голосование и доверяет избирательным собраниям [собраниям выборщиков], выбранным первичными собраниями, заботу о назначении администраторов, общественных арбитров, судей по уголовным и кассационным делам. Таким образом, для чиновников Революции выборы будут двухстепенными; для министров - трехстепенными. Их будут назначать уже не первичные собрания; более того, избирательные собрания тоже не смогут их назначать; но каждое избирательное собрание департамента предложит кандидата, и законодательный корпус выберет из этого списка 24 члена, которые и составят Исполнительный совет.

Тем самым Конвент предупреждает опасное соперничество между исполнительной и законодательной властями. Впрочем, я полагаю, что этот способ назначения представлялся Горе гораздо менее благоприятным, чем другой способ, для жирондистов и их друзей. Жиронда отличалась большим блеском. Это о ней Сен-Жюст вскоре скажет: «Революция создала патрициат из известных людей».

Национальные выборы, быть может, облекли бы властью известных ораторов, ученых, литераторов. Напротив, Конвент, производя окончательный выбор на основании довольно длинного списка, исключит имена людей, которые могли бы своей гордостью, престижем и славой извратить волю нации. И Конвент произведет эти выборы не под воздействием насилия, а под воздействием общественного мнения Парижа. Именно в центре, в столице по новому проекту, и должен был совершаться выбор министров. По плану же Кондорсе, исполнительная власть была по своему происхождению и сущности департаментской.

Наконец, если в одной статье и провозглашается, что «первичные собрания обсуждают законы», то это обсуждение лишено какой бы то ни было санкции: процедура и организация *референдума* нигде не предусмотрена⁴. Но в сущности, нет ли здесь, при столь коротких сроках деятельности собраний, избираемых на один год, постоянного *референдума*? Итак, Гора придает деятельности демократии больше силы, больше энергии. Она избавляет ее от напыщенности, утяжелявшей и губившей проект жирондистов. И она ограждает народ от образования министерской олигархии, правительственной касты, которая, хотя ее и избирают, все же подавляет свободу. Но намерен ли Конвент, едва избавившись от Жиронды, включить в Декларацию прав определение собственности и социальные формулы, которые Робеспьер и якобинцы предложили несколькими неделями ранее? Нет, Гора не хочет ни поднимать споры, которые остановили бы ее продвижение, ни возбуждать тревоги, которые, быть может, пошли бы на пользу контрреволюции. [Сравните с резюме А.Олара]

Противовес возможным злоупотреблениям собственностью - не в словах и не в формулах; он - в самой силе народа, неукоснительно осуществляющего свое право. Так, Конституция 1793 г. подчеркивает (этим полностью пренебрег проект жирондистов), что политические усилия людей имеют социальную цель. С первой же статьи Декларации прав человека она провозглашает в формуле, которая, несомненно, порадовала Бабефа, что «целью общества является всеобщее счастье». В статье шестой она заимствует определение свободы, недавно предложенное Робеспьером:

«Свобода есть принадлежащая человеку возможность делать все, что не вредит правам других; ее исходным принципом является природа, ее правилом - справедливость, ее защитой - закон; ее моральные границы выражены следующим правилом: *«не делай другому того, чего не хочешь, чтобы он сделал тебе»*.

Она воспроизводит статью, предложенную Сен-Жюстом, об отношениях между наемными рабочими и хозяевами:

«Каждый человек может отдавать внаймы свои услуги, свое время, но не может продать себя или быть проданным. Его личность не является отчуждаемой собственностью. Закон не признает положения прислуги; может существовать только обязательство о предоставлении услуг и признательности между человеком, который работает, и человеком, который его нанимает»⁵.

Декларация устанавливает право на жизнь и право на труд в формулировках, подсказанных Робеспьером:

«Общественная помощь есть священный долг. Общество обязано обеспечить всех своих членов средствами к существованию, либо предоставив им работу, либо снабдив средствами к существованию тех, кто не в состоянии работать»⁶. Но знаменитая формула о «доле имущества, которая гарантирована законом», не была включена, и Декларация прав от 24 июня воспроизводит относительно собственности успокоительную формулу жирондистской Декларации (статья 16):

«Право собственности - это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла» (капитал, рента, прибыль)⁷.

Более того, Декларация, вместо того чтобы освободить, как это делал проект Робеспьера, необходимый прожиточный минимум от всякого обложения, недвусмысленно устанавливает обязанность всех граждан, даже беднейших, участвовать в уплате общественных налогов.

«Никто из граждан, - говорится в статье 10¹⁸, - не освобождается от почетной обязанности участвовать в уплате общественных налогов». [Сравните проекты Кондорсе, Робеспьера и текст утвержденной Декларации прав]

Робеспьер не только не добивался принятия своих формулировок; не только не приложил никаких усилий, чтобы навязать свое определение собственности, но по поводу налогообложения он не без благородства заявил, что, поразмыслив, изменил свои взгляды; что освободить гражданина от всякого налога - значит сделать из него своего рода пассивного гражданина и что нравственное достоинство и политическое значение народа требуют, чтобы даже бедные несли часть бремени⁹. В области международных отношений на смену широковещательным декларациям о деятельном всемирном братстве, которые могли наложить на Францию обязательства и исчерпать силы Революции в бесконечных и вечных войнах, появляются осторожные и гордые статьи, конституционно обеспечивающие территориальную и политическую целостность революционной Франции, но делающие возможными мирные переговоры.

«Французский народ - друг и естественный союзник свободных народов.

Он не вмешивается в управление другими нациями; он не потерпит вмешательства других наций в его управление.

Он предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества за участие в борьбе за свободу; он отказывает в нем тиранам.

Он никогда не заключит мира с врагом, занимающим его территорию»¹⁰.

«- Так вы, значит, заключили договор с победой? - спросил кто-то.

- Нет, - воскликнул Базир, - но мы заключили договор со смертью!»¹¹ Этими героическими словами удалось достойно прикрыть отказ от дерзкой политики всемирной вооруженной пропаганды.

Конституция 1793 г., более осторожная, чем проект Робеспьера, в вопросах собственности, налогообложения и внешних отношений, все же была великолепным образцом демократии. Это был поистине суверенитет народа, сильная организация народной власти и народного контроля. Никогда еще мир не видел осуществления демократии, которая полностью отвечала бы этой величественной формуле 1793 г.

Пусть социалисты не упрекают Робеспьера за то, что он не настоял на принятии своего проекта: в руках народа, в руках пролетариев Конституция 1793 г. стала бы эффективным орудием постепенного социального освобождения. Революционеры-коммунисты судят о ней именно так, ибо восстановление Конституции 1793 г. вскоре станет одним из существенных требований бабувистской программы. И в подтверждение этой великолепной организации демократии я хочу повторить благородные слова монтаньяра Левассёра из Сарты, сославшегося на свидетельство коммунистов:

«К Конституции 1793 г., - воскликнул он, - зывали Бабёф и Дарте; Конституция 1793 г. заставляет еще биться под хладом старости сердце стойка Буонарроти; и если после этих людей, прославившихся своими благородными страданиями, я могу назвать и себя, то моя долгая верность тому, что я счел благом, утешает меня в моем изгнании, среди бесконечных горестей»¹².

Действительно, в своей книге «Заговор во имя равенства» Буонарроти с энтузиазмом говорит о Робеспьере и даже, с некоторыми оговорками, о Конституции 1793 г.¹³:

«До падения жирондистской группировки Робеспьер полагал, что Конвент, где она господствовала, не был способен дать хорошие законы; кроме того, он думал, что при тогдашних критических обстоятельствах первой заботой народных уполномоченных должно быть уничтожение многочисленных внутренних и внешних врагов, угрожавших существованию Республики; но, видя, что жирондисты торопятся законодательным путем утвердить свои аристократические принципы, он противопоставил их проектам свою Декларацию прав, в которой явно выражены его народные устремления...»

Однако Конституция 1793 г., составленная после восстания 31 мая частью Конвента, которую тогда называли *Горой*, не отвечала полностью чаяниям друзей человечества. К сожалению, в ней можно найти старые, приводящие в отчаяние идеи о праве собственности. Впрочем, в ней со всей ясностью провозглашены и прочно обеспечены политические права граждан, образование для всех отнесено к обязанностям общества; она легко допускает изменения, благоприятные для народа, и осуществление им своего суверенитета обеспечено, как никогда. Было ли это разумной осмотрительностью, продиктованной враждебной позицией богатых, возбужденных жирондистами? Следует ли приписать влиянию эгоистов во время прений в Национальном Конвенте те предосторожности, к которым он прибегает, как и необходимость для депутатов, друзей равенства, скрывать свои крайние взгляды?

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что право обсуждать законы, предоставленное народу, подчинение народных уполномоченных его приказаниям и почти единогласное одобрение Конституции 1793 г. - все это заставило смотреть на нее как на *палладию* французской свободы».

При огромном упадке великих политических институтов Революции самые благородные и самые просвещенные из членов Конвента (из числа тех, кого не поглотила сама Революция) сохранили неукротимую надежду на победу демократии, символом которой оставалась для них Конституция 1793 г.

«Да, - говорил Левассёр в последние дни Реставрации¹⁴, когда суверенитет народа был лишь потускневшей мечтой, - настанет время, когда демократия будет единственным возможным образом правления; тогда французы сумеют оценить труды этого Конвента, который, быть может, был не прав, опередив свой век и сделав добро слишком рано, но который по крайней мере имел мужество не отступить перед проведением в жизнь того, что считал истиной.

Да, настанет день, когда равенство признают основой общественного договора; когда каждый человек, какое бы низкое положение он ни занимал, будет иметь те же права и принимать такое же участие в общественных делах, что и человек, занимающий самое высокое положение в социальной иерархии. Тогда признают, что титулы - ничто, так как они созданы человеком, а не природой; что богатство не может быть основой прав, так как само богатство - только условное право. Тогда поймут, что каждый житель страны, не обесчестивших! себя каким-либо позорным поступком, заинтересован в общем благе и должен участвовать как в выгодах, так и в обязанностях, налагаемых обществом. Конституцию, опирающуюся на эти священные основы, больше не будут считать безумной утопией.

Да, настанет день - я на это надеюсь и в этом уверен, -настанет день, когда способность человеческого рода к совершенствованию сделает применимыми все главные истины, которые современные публицисты считают пустой утопией. *Последовательная отмена рабства, феодального порядка и зависимости* - для меня надежная гарантия того, что наши внуки увидят падение дворянства и наследственных Прав, этих двух величайших язв современной цивилизации. Они увидят их исчезновение, которое совершится без потрясений, без сопротивления; ибо человек уже начинает достигать совершеннолетия, и его руководители уже вынуждены уступать, когда общественность возвышает свой голос; тогда Конвент будут благословлять за то, что он осмелился без опоры, без поддержки сделать первый шаг по этому благородному пути справедливости и свободы.

А пока пусть люди недалекие, политики на час смеются над нашими трудами. Пусть они говорят, что мы преувеличили свои возможности, желая, подобно природе, поставить всех людей в один ряд. Их ребяческие сарказмы нас не заденут. *Еще пятьдесят, может быть, сто лет* они будут относиться к нам с пренебрежением... человеческий род тем не менее будет и далее осуществлять свое высокое предназначение».

Будущее доказало правоту Левассёра и замечательного оптимизма Революции. Через сто лет после Революции, пройдя сквозь многочисленные бури и несмотря на массу ограничений и комбинаций, которых члены Конвента не предвидели и не желали, несмотря на частичные монархические и олигархические пережитки, утопия в целом стала фактом. Всеобщее избирательное право стало реальностью: демократия обрела во Франции свою нормальную политическую форму в виде Республики и медленно, но с уверенностью в необходимости свершений развивается в направлении социального равенства, которое упразднит привилегии и *наследственную власть* как в экономической, так и в политической областях. В основе веры Левассёра лежит не только пламенное стремление к политической свободе, но и социальный опыт человечества, мало-помалу освобождающегося от всех форм рабства и наконец достигшего «совершеннолетия».

Но была ли эта Конституция 1793 г. возможна лишь в отдаленном будущем? Нельзя ли было применить ее сразу? Она была полностью применима, и мы напрасно станем искать того, что в ее принципах или в ее механизме могло помешать ее проведению в жизнь. Она больше организовывала, чем создавала, и Левассёр не прав, говоря, что у Конвента не было ни опоры, ни поддержки. Поддержкой служила вся революционная жизнь, вся жизнь нации в течение тех четырех лет, которые завершили дело веков. Национальный суверенитет уже стал принципом и фактом. Всеобщее избирательное право осуществлялось уже при выборах в Конвент; правда, оно было двухступенным, но разве избирать депутатов прямым голосованием труднее, чем избирать собрания выборщиков? Ведь и при избрании мэров, прокуроров-синдиков дело решалось прямым голосованием в первичных собраниях. Выборы судей, священников стали привычкой нации.

Не было ни одной группировки, которая, как бы умеренна она ни была, осмелилась бы предложить для организации законодательной и исполнительной власти разделение законодательной власти между двумя палатами и сосредоточение исполнительной власти в руках одного человека, президента или штатгальтера. Способ, одобренный Конституцией 1793 г., сочетал для исполнительной власти принцип избрания народом, необходимость контроля за законодательной деятельностью и потребность в сильной и деятельной власти.

Конституция 1793 г. вполне отвечала жизненным потребностям Революции, политической и социальной действительности новой Франции. Все то, в чем более современные конституции от нее отходят, - это либо уступка духу консервативного недоверия и привилегий, либо остатки монархических привычек. Конституция 1793 г. - это образец французской демократии; присоединяясь к ней, Робеспьер гарантировал будущее, все возможности социального развития. И он спасал настоящее.

Примечания

1 Проект конституции был представлен *Эро де Сешелем*. О Конституции 1793 г. см.: [A.Aulard. Histoire politique de la revolution francaise. Paris, 1901. Ile partie, chap. IV](#); A.Mathiez. La Cjnstitution de 1793. - «Annales historiques de la Revolution francaise», 1928, p.498.

2 Plan de constitution presente... les 15 et 16 fevrier 1793... (B.N., 8° Le38 1766, imp. in 8°, 48 p.)

3 Discours... sur la constitution de 1a France... 24 avril 1793 (B.N., 8° Le38 232, imp. in-8°, 18 p.)

4 В действительности организация референдума (хотя это слово и не было произнесено) была предусмотрена статьями LIX и LX конституции: «Если в течение 40 дней после отсылки предлагаемого закона в половине департаментов плюс одна десятая часть первичных собраний каждого из них, созданных надлежащим образом, не отклонит его, то проект считается принятым и становится законом. Если он будет отклонен, то Законодательный корпус созывает первичные собрания». Прибавим, что конституция должна быть ратифицирована народом. См.: M.Fridieff. Les Origines du referendum dans la Constitution de 1793, Paris, 1931.

5 Статья 18 Декларации.

6 Статья 21. В действительности эта статья провозглашает не «право на жизнь и право на труд», но право на помощь. «Либо предоставив им работу» - практически имелись в виду мастерские, называвшиеся при старом порядке «благотворительными».

7 Напомним, что право собственности не было определено в Декларации прав 1789 г. Декларация прав III г. повторила определение Декларации прав 1793 г. в своей 5-й статье. Примечательная преемственность!

8 Здесь речь идет о Конституционном акте, а не о Декларации прав.

9 «Moniteur», XVI, 678, заседание от 17 июня 1793 г., второе выступление (об обязанности участвовать в уплате общественных налогов); «Archives parlementaires », LXVI, 602; M.Robespierre, Oeuvres, t.IX, 4^e partie, p.575.

10 Речь идет о статьях 118 - 121 Конституционного акта, раздел «Отношения Французской Республики с иностранными нациями».

11 «Moniteur», XVI, 689, заседание 18 июня 1793 г. Базир Клод (1761-1794) - служащий архива провинциальных штатов Бургундии; член директории Дижонского дистрикта в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот д'Ор.

12 L'abbé Levasseur Memoires... Paris, 1829-1831, 4 vol., t.I, p.295.

13 Buonarroti. Conspiration pour l'Egalite, dite de Babeuf. - Bruxelles, 1926; edition de 1957, t.I, p.39, «Declaration des droits par Robespierre» p.40, «Constitution de 1793». (См.: Ф.Буонарроти. Заговор во имя равенства, или так называемый заговор Бабёфа. М., 1948. - Ред.)

14 L'abbé Levasseur. Op. cit., t.I, p.287.

А. Олар

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из главы IV «Конституция 1793 года»

I. Проект Кондорсе. - II. Общественное мнение. - III. Прения в Конвенте по поводу проекта Кондорсе. - IV. Проект Эро де Сешелля. - V. Обсуждение и принятие этого проекта. - VI. Общий характер Конституции 1793 г. - VII. Отсрочка этой Конституции.

М.: Соцэкгиз. 1938. С.341-382.

Как же организовал Конвент республику, которую он установил 22 сентября 1792 г. и форму которой определил точнее 25 сентября?

Конвент одновременно создал временные и окончательные учреждения.

Временные учреждения составляли так называемое революционное правительство; окончательными же учрежденными признавались тогда конституция 1793 г. и конституции III года.

История этих различных учреждений, так же как и вся история демократической республики разбивается днем 9 термидора на два отдельных периода. До 9 термидора дело идет о том, чтобы организовать демократию путем окончательных учреждений и защищать ее путем временных учреждений; после 9 термидора уже замечается мало-помалу стремление организовать и защищать буржуазию путем временных или окончательных учреждений. Естественно поэтому было разделить и наше изложение на две части, соответственно этим двум периодам, т. е. сначала изучить дотермидорианские учреждения, а затем послетермидорианские.

Что касается первого периода, простирающегося от установления республики до падения Робеспьера, то в этом случае мы будем говорить сначала об окончательных учреждениях или признававшихся таковыми и уже только потом о временных; прежде о конституции 1794 г., а затем уже о революционном правительстве. Правда, конституция 1793 г. не была применена на практике вследствие помешавших этому ненормальных условий; но она все-таки была подготовлена и предназначалась, по-видимому, для нормальных условий, с целью организовать демократическую республику во Франции. На ней, следовательно, лучше всего выясняются политические стремления Конвента до термидора, а ознакомление с этими стремлениями всего лучше поможет нам понять возникновение временных революционных учреждений и все последующие видоизменения их.

Итак, будем говорить прежде всего о конституции 1793 г.

Мы видели, что Франция ждала от Конвента реформы конституции. Это до такой степени верно, что в одном из первых декретов, изданных этим Собранием, заявлялось (21 сентября 1792 г.), «что не может быть конституции, не утвержденной народом». Но это значило осудить в самом принципе конституцию 1791 г., так как она не была подвергнута плебисциту. Это значило также санкционировать желание установить народный референдум, желание, высказанное французской демократической партией с самого ее возникновения и только что обнаружившееся в различных избирательных собраниях. Но Конвент должен был немедленно же вступить на тот оппортунистический и революционный путь, по которому обстоятельства заставили его двигаться в течение всей его карьеры; я хочу сказать, что он должен был, немедленно же после провозглашения основных принципов, предназначенных для мирного и нормального времени, заменить их исключительными и часто диктаторскими мерами, предназначенными для военных и ненормальных условий, из которых он не мог выйти. Через несколько минут после заявления, что никакая реформа не действительна без плебисцита, он упразднил королевскую власть, не посоветовавшись с народом. На следующий день, 22 сентября, он установил республику, также не снесшись предварительно с народом, затем провозгласил ее 25 сентября единой и нераздельной, а 16 октября отверг предложение Манюэля, имевшее целью подвергнуть плебисциту установление республики.

Все это были еще отдельные статьи конституции, а не самая конституция; но была ли возможность изготовить ее, когда австрийцы и пруссаки находились еще в Шампани?

Тем не менее, 29 сентября Конвент декретировал учреждение конституционной комиссии, которую он образовал (11 октября) из следующих девяти членов: Сиейса, Томаса Пэна, Бриссо (замененного потом Барбару), Петиона, Верньо, Жансоннэ, Барера, Дантона и Кондорсе¹.

Этот выбор был победой партии Ролана, или жирондистской. Когда 14 октября в клубе якобинцев кто-то предложил послать адрес конституционной комиссии, Шабо сказал: «Я требую отсрочки. Я знаю, что в конституционной комиссии находятся Барер, Дантон и Кондорсе; но адрес, о котором идет речь, будет не только в руках наших трех друзей, он будет также и в распоряжении всей комиссии, а ведь, в конце концов, наших там пока еще только трое против шестерых². Дантон же, в виде противовеса влиянию жирондистов, заставил вотировать решение, согласно которому клуб якобинцев должен был с своей стороны также набрать «вспомогательную конституционную комиссию».

Хотя жирондисты, быть может, еще более монтаньяров торопились с выработкой конституции, так как политика жирондистов стремилась установить такой нормальный порядок, при котором департаменты пользовались бы тем же законным влиянием, как и Париж, но тем не менее конституционная комиссия остерегалась особенно спешить со своими работами. 19 октября 1792 г. она настояла на издании следующего декрета: «По просьбе конституционной комиссии Национальный конвент приглашает всех друзей свободы и равенства посылать ему, на каком угодно языке, проекты и мнения, какие они могут высказать по поводу вопроса о наделении французской республики хорошей конституцией; он уполномочивает свою конституционную комиссию переводить и обнародывать путем печати сочинения, которые будут присылаться в Национальный конвент». Объявление о такой продолжительной подготовительной работе достаточно указывало на нежелание торопиться.

Общественное мнение стало, по-видимому, относиться равнодушно к мысли о радикальном преобразовании конституции. «Парижская хроника» от 23 числа констатирует это с некоторой горечью: «Мы видели счастливые дни, когда французы, занятые исключительно самым предметом, а не отдельными лицами, относились с энтузиазмом к обсуждению вопросов, касавшихся общественных интересов. Магазины наших книготорговцев были полны превосходных сочинений, написанных лучшими и наиболее образованными людьми века. Войдите теперь к книгопродавцам и спросите их, какие книги они печатают и продают, и у вас в руках будет хороший термометр общественного настроения».

Это не значило, впрочем, чтобы общественная мысль действительно дремала; но общество видело, что национальная защита шла хорошо, и не чувствовала пока необходимости выйти из существующего положения вещей, каковыми бы ни были его внутренние недостатки и противоречия. Робеспьер заявил тогда в своей газете, что можно было очень хорошо жить и при конституции 1791 г., лишь слегка измененной.

Якобинцы также не стремились ускорить работы своей вспомогательной конституционной комиссии. Эта комиссия получила сначала поручение заняться предварительными изысканиями, совершенно так же, как и комиссия Конвента, и вызвать обмен взглядов между всеми разветвлениями своего общества. Эта комиссия должна была состоять из двенадцати членов. Сначала были выбраны только шестеро из них (19 октября), а именно: Колло д'Эрбуа, Бильо-Варенн, Робеспьер, Дантон, Шабо и Кутон. Затем произошли новые выборы, точного времени которых мы не знаем, причем четверо из прежних членов были устранены, и комиссия оказалась составленной из восьми человек: Жанбона де Сент-Андре, Робера, Тюрио, Бантаболя, Робеспьера, Билльо-Варенна, Антуана и Сен-Жюста. Лишь 18 февраля 1793 г., после того как комиссия Конвента уже представила свой доклад, якобинцы дополнили свою комиссию, присоединив к ней или снова назначив в нее Дюбуа-Крансе, Колло д'Эрбуа, Клоотса и Кутона³. У нас не сохранилось никаких следов деятельности этой комиссии монтаньяров. По-видимому, якобинцам казалось химерой заниматься в данный момент выработкой конституции. Во всяком случае, если бы даже эта работа и началась тогда, то их внимание было бы обращено лишь на то, чтобы новая конституция не была жирондистской, чтобы она не давала власти жирондистам.

Что касается до конституционной комиссии Конвента, то нам ничего или почти ничего неизвестно о происходивших внутри ее прениях⁴. Она не оставила ни записей, ни каких бы то ни было бумаг. Известно только, что она назначила своим докладчиком Кондорсе; кроме того, как по языку, так и по идеям первого проекта конституции видно, что главным его автором был Кондорсе. Этот проект известен нам в двух вариантах, из которых один - официальный⁵, а другой - напечатан в «Moniteur'e». Текст «Moniteur'a», очевидно, более ранний и представляет некоторые отличия от окончательного проекта; но эти отличия незначительны, не касаются ни одного существенного пункта и могут дать нам только смутные или слабые указания относительно тех прений, которые, должны были происходить в комиссии. Тем не менее из доклада Кондорсе, предшествовавшего проекту, вытекает, по-видимому, что одним из спорных вопросов, на котором всего дольше задержалась комиссия, был вопрос о том, будут ли установлены две законодательные камеры или только одна, а также будет ли эта единая камера подразделена на две секции, как это было сделано позднее с законодательным корпусом по конституции III года. Докладчик, по-видимому, хорошо резюмирует прения, имевшие место по этому поводу, в том месте своей речи, где он долго и как бы с некоторым удовольствием излагает двухкамерную систему, причем чувствуется, что он предпочел бы ее при нормальных обстоятельствах. Однако комиссия и сам Кондорсе присоединились к мысли об единой палате при таком внутреннем устройстве ее, которое мешало бы принятию слишком поспешных решений.

Кондорсе прочел свой доклад на заседании Конвента 15 февраля 1793 г. Слабость его голосового органа не позволила, однако, ему довести свое чтение до конца, так что оно было dokonчено Барером. Затем Жансоннэ в том же заседании начал читать проект конституции и закончил это чтение на заседании 16 февраля⁶. Этот проект, подписанный всеми членами комиссии, за исключением Дантона⁷, был напечатан по распоряжению Конвента и разослан по всей Франции.

Проектированной конституции предшествовала Декларация прав, состоявшая из 33 статей, в то время как Декларация прав 1789 г. насчитывала их только 17. Это были те же самые идеи и формулы, но гораздо яснее выраженные, с гораздо большим числом точных определений. В них обнаруживался, как сказали бы мы теперь, более решительный либерализм. Так, статья Декларации 1789 г.: «Никто не может быть тревожим по поводу своих мнений, даже религиозных, лишь бы только проявление их не нарушало общественного порядка, установленного законом», - эта статья, гарантировавшая, в сущности, простую веротерпимость, была заменена теперь статьей, устанавливавшей действительную свободу совести: «Всякий человек свободен в отправлении своего культа». Прежняя Декларация даровала свободу печати «под ответственностью за злоупотребления этой свободой в случаях, определенных законом», в то время как новая Декларация гласила: «Свобода печати и всякого другого способа обнародования своих мыслей не может быть ни отменена, ни приостановлена, ни ограничена».

Были также и другие нововведения, находившиеся в гармонии с новым положением Франции, только что перешедшей от монархического строя к республиканскому. Всякая «наследственность должностей» была объявлена «нелепой и тиранической». Согласно первой Декларации, верховная власть пребывала в *нации*; согласно новой Декларации, она пребывала во *всем народе*; этим санкционировалось всеобщее избирательное право, установленное 10 августа. Новая Декларация обещала обеспечить народу законные средства сопротивления угнетению. Она гласила также: «Общественное призвание - священный долг общества; закон должен определить его размеры и способы применения». Если она не затрагивала прав собственности, если она не была социалистической, то она все-таки делала новый шаг в сторону идеального равенства в форме следующей, в высшей степени демократической, статьи: «Образование - потребность всех, и общество равно обязано доставить его всем своим членам».

Что касается самого проекта конституции, то он без сомнения носил на себе черты конституции 1791 г., послужившей для него основой и образцом; но только эта конституция была демократизирована и приняла республиканский характер. В проекте говорилось, что «французская нация образовала собой единую и нераздельную республику». Это была демократическая республика со всеобщим избирательным правом, не исключавшим ни прислугу, ни даже иностранцев. Французским гражданином и избирателем был всякий мужчина, достигший двадцати одного года, внесенный в списки какого-нибудь из первичных собраний и проживший в течение года на французской территории, а в течение трех месяцев - в той коммуне, где он хотел осуществлять свое избирательное право. Так же как и в конституции 1791 г., почти все должности были выборными. Но эти выборы уже не были теперь двойными, или лучше сказать, для всех выборов теперь устанавливалась сначала первая подача голосов для назначения кандидатов, а затем окончательное голосование.

1) «*Подача голосов для назначения кандидатов*. Всякий гражданин писал или просил написать на своем бюллетене число имен, равное числу должностей, подлежащих замещению. Административные власти департамента производили подсчет; этим голосам и составляли сокращенный список кандидатов, «в который вносились все, получившие тройное число голосов, против числа вакантных мест».

2) «*Окончательное голосование*. Этот список кандидатов посылался первичным собраниям, которые и назначали из него должностных лиц, не имея права выбрать никого, не находящегося в этом списке».

Укажем теперь, какие власти учреждались этим жирондистским проектом конституции:

1) *Администрация департамента*. В каждом департаменте (причем это территориальное подразделение оставалось нетронутым) должен был существовать административный совет из восемнадцати членов, четверо из которых составляли директорию. Эти советы были подчинены национальному правительству, т.е. Исполнительному совету, во всем, что касалось выполнения законов и общей администрации. Представителем центральной власти при департаментской администрации являлся национальный комиссар, избираемый из среды членов этой администрации.

2) *Муниципалитеты*. Здесь территориальные подразделения, установленные Учредительным собранием, подверглись важным видоизменениям. Округа уничтожались. Каждый департамент подразделялся на обширные коммуны, образованные «так, чтобы не могло быть более двух с половиной лье расстояния от самого отдаленного селения до административного центра коммуны». Каждая коммуна разделялась на муниципальные секции и первичные собрания; администрации ее должна была состоять из двенадцати членов и мэра и подчинялась администрации департамента. Каждая секция имела свое местное управление, поручаемое одному гражданину, который мог иметь помощников. Собрание этих уполномоченных вместе с администрацией должно было составить генеральный совет коммуны. Это была система «кантональных муниципалитетов», осуществленная конституцией III года.

3) *Исполнительный совет республики*. Этот Совет должен был состоять из семи следующих министров: министра законодательства, военного министра, министра иностранных дел, морского, министра общественных налогов, министра земледелия, торговли и мануфактур, министра общественного призрения, общественных работ, публичных зданий, наук и искусств. Каждый министр должен был по очереди, в течение двух недель, занимать место председателя этого Совета, ответственного перед Законодательным корпусом. Народ должен был выбирать министров, согласно вышеописанному способу подачи голосов. Администрация каждого департамента, после вотума первичных собраний, должна была составить список тринадцати кандидатов для каждого министерства. Затем первичные собрания должны были выбирать окончательно министров из этих списков.

4) *Законодательный корпус*. Каждый департамент должен был назначить одного депутата «на каждые 50 000 душ» тем же способом, как и при выборе административных властей департамента и коммуны. Эта единая палата должна была переизбираться каждый год; она должна была издавать законы и декреты.

Наконец учреждались еще национальное казначейство, контрольная палата, трибуналы и верховный суд, также выбираемые народом.

Этот проект конституции организовал народный референдум, которого уже давно требовала демократическая партия. Он был назван «народной цензурой над действиями национального представительства». Когда кто-нибудь из граждан желал вызвать реформу закона, вотум нового закона или какую-нибудь общую политическую меру, то, если ему удалось бы собрать пятьдесят подписей, он мог бы потребовать созыва своего первичного собрания. Если бы это первичное собрание присоединилось к его желанию, то тогда должны были быть созваны все остальные первичные собрания данного департамента; если бы и в этом случае большинство высказалось за сделанное предложение, то оно было бы передано в Законодательный корпус, который уже и решал бы дело в последней инстанции. Но если бы к сделанному предложению присоединился еще один департамент, то тогда Законодательный корпус был бы обязан созывать все первичные собрания республики. Если бы большинство этих собраний примкнуло к предложению, то Законодательный корпус должен был бы подвергнуться переизбранию, и вопрос был бы решен новым Законодательным корпусом; но его решение было бы снова подчинено этому праву народной цензуры.

Что касалось пересмотра конституции, то Законодательный корпус должен был созвать «Национальный конвент», который заседал бы в одном из городов, находящихся на расстоянии не менее 50 лье от Парижа, всякий раз «когда это было бы признано необходимым большинством граждан республики». Но по истечении двадцати лет, во всяком случае, должен был бы состояться Национальный конвент.

Один из отделов этой конституции, отдел VI, был посвящен «средствам гарантировать гражданскую свободу». Здесь были детальные, точные, остроумно скомбинированные предписания, имевшие целью устранить всякую возможность какой бы то ни было тирании. Свобода прессы была здесь снова подтверждена и предполагалась неограниченной, «за исключением преследований за клевету».

Внешняя политика республики регламентировалась согласно принципу пропагандистской политики. Республика должна была присоединять к себе все территории, жители которых свободно выразили бы свое желание быть присоединенными к Франции. Французские генералы должны были в занятых ими чужеземных странах обеспечивать их гражданам пользование всеми их естественными гражданскими и политическими правами. «Они не будут иметь права, ни в каком случае и ни под каким предлогом, поддерживать той властью, которой они облечены» обычаи, противные свободе, равенству и народному самодержавию. В своих сношениях с иностранными нациями французская республика должна была относиться с уважением только к учреждению, «утвержденным согласием всего народа». [[Сравните резюме Ж.Жореса](#)]

Таков был проект конституции, представленный Национальному конвенту. Печать встретила его довольно холодно; его находили слишком сложным.

Якобинцы отнеслись к нему недоброжелательно, но по другим причинам.

В заседании клуба 17 февраля 1793 г. Кутон подверг критике новую декларацию прав, отличавшуюся, по его мнению, «излишней абстракцией» и не определявшую с достаточной ясностью естественные права. Способ выборов казался ему «только по внешности народным». Он признавал опасным делать из Исполнительного совета власть, соперничающую с национальным представительством, в требовал, чтобы вспомогательная комиссия, избранная якобинцами, представила другой проект.

Это предложение было вотировано после того, как его поддержал Тюрио, который удивлялся, что философ, подобный Кондорсе, не постыдился поднять вопрос о двух камерах, обличал систему федеральной республики, подготовляемую вероломно этим проектом, и заявлял, что жирондистская мятежная фракция хотела воспользоваться анархией, в которой находилась Франция, чтобы вырвать народное согласие⁹. В действительности проект Кондорсе был настолько демократичен, что якобинцы не находили определенных возражений против него; они относились к нему враждебно просто потому, что он исходил от их противников, жирондистов.

Конвент нашел, по-видимому, что конституционная комиссия слишком поторопилась представить свой проект. Она не дождалась результатов того обращения за советом к общественному мнению, которое было декретировано 19 октября 1792 г. Немедленно же по прочтении проекта, 16 февраля 1793 г., был вотирован декрет, дававший право депутатам печатать на государственный счет те проекты конституции, которые они пожелали бы представить. Этим косвенно откладывалось обсуждение проекта Кондорсе, и в течение многих недель после того никто, по-видимому, не думал больше об изготовлении конституции.

Лишь когда наши военные неудачи марта 1793 г. и измена Дюмурье поставили французскую республику в самое критическое положение, Конвент снова принялся за выработку конституции, без сомнения, под влиянием той мысли, что окончательно, организованная республика могла бы легче добиться внешних союзов и даже мира, а также и под влиянием той мысли, что конституция могла бы прекратить внутренние раздоры. Но Конвент продолжал действовать с умышленной медлительностью. Конституционный комитет, согласно учредившему его декрету, разошелся в тот самый день, когда представил свой проект. 4 апреля Конвент назначил нечто вроде нового конституционного комитета под именем «Комитета анализа», или «Комиссии шести», в которую вошли Жан де Бри, Мерсье, Валазе, Барер, Ланжюинэ и Ромм¹⁰ и которой было поручено представить анализ различных конституционных проектов, вызванных декретами 19 октября 1792 г. и 16 февраля 1793 г.

Комиссия Шести представила свой первый доклад 17 апреля через посредство Ромма. До нас дошли лишь незначительные выдержки из этого доклада¹¹ и его «третий отдел», содержащий один проект декларации прав¹². Но мы имеем три доклада Ланжюинэ (не помеченных числом)¹³, из которых видно, что комиссия не ограничилась одним анализом различных проектов, исходивших от отдельных лиц, но оценивала также при помощи или по поводу этих проектов и жирондистскую конституцию.

Эта оценка коснулась сначала только отделов, относившихся к территориальному подразделению и осуществлению избирательного права, и была благоприятна. Ланжюинэ заявил что в этих двух пунктах, из «более чем 300 представленных мемуаров или проектов как печатных, так и рукописных», ни один не показался Комитету предпочтительнее проекта прежней конституционной комиссии. По вопросу о числе департаментов, одни предлагали увеличить это число, другие - уменьшить его. «Нам предстоит здесь выбор, начиная с 3 и кончая 85, начиная с 85 и кончая 500», - говорил докладчик. Какой-то гражданин из Бордо требовал даже, чтобы департаментов вовсе не было, а чтобы Франция была подразделена на 25 000 муниципалитетов и чтобы затем не было больше никаких административных делений. Но Комиссия шести не нашла ни в одном из этих проектов никакого основательного аргумента и высказалась за поддержание без всякого изменения прежнего деления Франции на департаменты.

Следовало ли уничтожить округа? «Почти все авторы проектов требуют полной отмены или уменьшения числа округов¹⁴; отмена их - общее желание». Было, следовательно, основание присоединиться к мнению Конституционного комитета, остановившегося на отмене округов.

Следовало ли обратить кантоны в муниципалитеты? Первой мыслью Сиейса и Конституционного комитета Учредительного собрания «было обратить все коммуны каждого кантона в одну коммуны или муниципалитет». Такое же было и мнение Конституционного комитета Конвента, к которому присоединилась Комиссия шести, не упомянув о каких-либо возражениях, встреченных ею в рассмотренных мемуарах.

Что касалось избирательного права, то, говоря о нем, Ланжюинэ, открыто подошел к женскому вопросу, как сказали бы мы теперь. «Комитет, - сказал он, - устраняет по-видимому, женщин от политических прав; многие проекты протестуют против этого исключения, по поводу которого наш сотоварищ Ромм уже высказал вам свои жалобы, а Гийомар представил вам интересную диссертацию». До нас не дошла речь Ланжюинэ, но мы имеем брошюру Гийомара, озаглавленную: «Le partisan de l'egalite politique entre individus»¹⁵. В ней ясно формулировано требование политических прав для женщин, так же как и в «Заметках по поводу последней французской конституции» Вильямса¹⁶, а по словам Ланжюинэ, еще и в двух рукописных проектах, одном - Дегравера, а другом - аббата Морие, бывшего священника в Сен-Ло¹⁷. Таким образом, в эпоху, когда французская республика впервые пыталась оформиться путем конституции, существовало общественное течение, имевшее в виду осуществить в пользу женщин эгалитарные принципы декларации прав. Это движение не было поддержано Кондорсе, несмотря на то, что он был апостолом феминизма в 1790 г.¹⁸ Но Комиссия шести не высказалась безусловно против политических прав для женщин. Совершенно напротив: она устранила женщин от пользования ими только из соображений непринципиального

характера и заявила, что устраняет их лишь на короткое время. «Недостатки нашего воспитания, - сказал Ланжюинэ, - еще делают необходимым это устранение, по крайней мере, на несколько лет». [Декларация прав женщины и гражданки. См. также работы [Е.Щепкиной](#) и [А.Лассера](#)]

Из доклада Ланжюинэ мы узнаем также, что английские демократы относились неодобрительно к установлению всеобщего избирательного права. «Большинство проектов, присланных из Англии, - говорит он, - отказывают в правах активного гражданина лицам, не платящим никакого налога». Тем не менее Комиссия шести высказалась, за систему всеобщего избирательного права и не приводит против нее ни одного возражения, которое исходило бы от француза. Ланжюинэ говорит даже, «что положение домашней прислуги не должно отстранять от политических прав». Таким образом, он принимает проект Конституционного комитета, но предлагает другую редакцию его, в которой восстанавливает слово «активный» гражданин для обозначения граждан, удовлетворяющих условиям возраста и местожительства, дающим им право вотировать.

III

15 апреля 1793 г. Конвент декретировал, чтобы «конституционные вопросы ставились на очередь по понедельникам, средам и пятницам каждой недели». Прения начались 17 апреля и продолжались до 29 мая. Они не были непрерывными; важные вопросы, возбуждаемые внутренними и внешними опасностями, прерывали их каждую минуту. Наши военные неудачи, восстание Вандеи, вражда монтаньяров с жирондистами невольно занимали почти все внимание членов Конвента, поглощали всю их энергию, и только в редкие моменты, когда опасность отечества не мешала им свободно вздохнуть, они могли работать над конституцией. Они работали над ней рассеянно, урывками, и эти конституционные работы так мало интересовали общественное мнение, что газеты дают о них лишь краткие отчеты. [Прения в Конvente 16 апреля (речь Майля)]

Из того что нам известно об этих прениях, мы не видим, чтобы в данном случае стояли друг против друга две прямо противоположные системы. Между жирондистами и монтаньярами обнаружилось, по-видимому, принципиальное разногласие только по двум пунктам и в двух случаях. 17 апреля Андре Помм внес предложение, чтобы декларация прав, как и в 1789 г., была поручена покровительству Верховного существа. Верньо добился того, что это предложение было отвергнуто. Но ссылаясь ли он при этом на принцип атеистического или светского государства? Нет. Он указал лишь на то, что «существование бога вовсе не зависит от того, будет ли оно провозглашено людьми». Ничто в этом инциденте не позволяет нам сказать, например, чтобы монтаньяры желали республики на мистической основе, а жирондисты - на рациональной и позитивной. Мы можем предположить разве только то, что, устраняя слова «Верхнее существо», столь дорогие для Робеспьера, жирондисты хотели лишней раз досадить¹⁹ своему раздражительному противнику.

Другой случай, при котором обнаружилось, по-видимому, принципиальное разногласие между этими двумя партиями, более характерен. Это произошло по поводу статьи 18 проекта декларации прав, отредактированной так: «Право собственности состоит в том, что каждый свободен располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими капиталами, доходами и промышленностью». 24 апреля 1793 г. Робеспьер подверг критике эту статью в длинной речи, в которой, сделав сначала самые консервативные заявления, выказал затем себя несомненным «социалистом». «Вы должны знать, - сказал он сперва, - что аграрный закон, о котором вы так много говорили, не более как призрак, созданный плутами, чтобы устрашать глупцов». «Имущественное равенство, - прибавил он, - химера». Но это была лишь предосторожность оратора, имевшего в виду перейти затем к упрекам по адресу авторов проекта по поводу того, что они не сказали о собственности того же, что было сказано ими о свободе, а именно, что границей ее являются права других. Затем он предложил следующие четыре статьи, стремившиеся ни более ни менее как к новой социальной революции и даже к тому аграрному закону, самую мысль о котором он только что отвергнул: 1) «Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей имущества, которая гарантирована ему законом. 2) Право собственности ограничено, как и все другие права, обязательством уважать права других лиц. 3) Оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности нам подобных. 4) Всякая сделка, нарушающая этот принцип, по существу своему безнравственна и незаконна». Он хотел также «санкционировать основу прогрессивного налога», декретированного в принципе 18 марта того же года, причем видоизменил этот декрет в пользу пролетариата, требуя, чтобы «граждане, доход которых не превышал того, что необходимо для их существования, были освобождены вовсе от участия в покрытии общественных расходов». С другой стороны, в жирондистском проекте декларации говорилось только, что «общественное призвание составляет священный долг общества» и что «закону предоставляется определить его размеры и способ применения». Робеспьер же хотел, чтобы при этом было прямо провозглашено право на труд в следующих выражениях: «Общество обязано обеспечить существование всех своих членов, доставляя им работу, или же обеспечивая средства существования тем из них, которые не в состоянии трудиться. Необходимая помощь тому, у кого недостает необходимого, - долг того, у кого есть излишек; закону принадлежит способ, каким этот долг должен уплачиваться».

Эта знаменитая декларация прав Робеспьера, сделавшаяся при Людовике-Филиппе и во времена второй республики как бы хартией французских социалистов, была торжественно одобрена якобинским клубом 21 апреля²⁰. Таким образом, в этот период, в апреле 1793 г., монтаньяры были, по-видимому, социалистами, наперекор жирондистам. Но это только казалось так. Проект конституции жирондистов был в такой степени демократичен, что для того чтобы сделать его непопулярным и заставить казаться умеренным, надо было дойти до социализма. Робеспьер и якобинцы пошли так далеко не потому, чтобы они действительно хотели произвести радикальную общественную реформу, а из политической тактики. Это доказывается тем, что после 2 июня, когда монтаньяры победили жирондистов и когда от них зависело дать дальнейший ход своим идеям, они отказались от этого социализма и не включили в свою декларацию прав ни одной из статей, предложенных Робеспьером. Робеспьер же не ограничился даже тем, что не

предложил эти статья снова в июне 1793 г., он отрекся или почти отрекся от той из них, в которой требовал, чтобы бедные граждане были освобождены от всякого налога. Итак, я повторяю, что во время прений о конституции монтаньяры и жирондисты только по внешности расходились между собой по вопросу о правах собственности: обе партии, за исключением некоторых отдельных лиц, одинаково хотели отсрочить всякую дальнейшую социальную революцию.

Робеспьер делал вид, что он социалист, чтобы казаться более демократом, чем жирондисты. Точно так же, с целью присоединить к Горе против жирондистов тех ультра-демократов, которые мечтали вместе с Анахарсисом Клоотсом о всемирной республике, он прикидывался более горячим «пропагандистом», чем сам Бриссо. Мы видели, что жирондистский проект конституции стремился распространять путем оружия основные принципы революции и вызвать добровольные присоединения соседних стран к Франции. Политика «пропаганды» была намечена в ней как желательная и возможная. Робеспьер, когда-то так страстно оспаривавший эту политику, теперь желал, чтобы декларация признала ее не только как право, но как долг, и его проект декларации заканчивался следующими четырьмя статьями: «Люди всех стран - братья, и различные народы должны помогать друг другу по мере возможности, как граждане одного и того же государства. - Тот, кто угнетает одну нацию, заявляет себя врагом всех. - Ведущие войну с народом, с целью задержать успехи свободы и уничтожить права человека, должны подвергнуться преследованию всех не только как обыкновенные враги, но и как убийцы и бунтовщики-разбойники. - Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, суть рабы, возмущившиеся против верховного повелителя земли, т.е. человеческого рода, и против законодательства вселенной, т.е. против природы».

Предлагая статьи, проникнутые духом такой нетерпимой пропаганды, Робеспьер хотел не только опередить, если я могу так выразиться, жирондистов, но и пойти наперекор иностранной политике Дантона, который 13-го предшествовавшего апреля добился того, что Конвент отверг пропагандистские статьи жирондистского проекта, отверг всю эту систему пропаганды, и кроме того добился принятия одного важного декрета, в котором французская республика заявляла, «что она не хотела никаким путем вмешиваться в действия правительства других стран»²¹. В действительности, Робеспьер так же мало присоединился к пропагандистской политике, как и к социализму; когда, в июне 1793 г., редактировалась конституция монтаньяров, он не только не потребовал включения в нее пропагандистских статей, предложенных им в апреле, но нисколько не протестовал против статьи 119 этой конституции, воспроизводящей декрет 13 апреля.

Если в прениях по поводу конституции между партией монтаньяров и жирондистов в действительности не было разногласия ни по одному важному пункту, то это еще не значило, чтобы все без исключения члены Конвента высказывали тогда одни и те же взгляды по вопросу об основных принципах, на которых следовало построить демократическое государство. Так, 24 апреля 1793 г. Анахарсис Клоотс снова предложил свою «республику человеческого рода», а 10 мая Иснар потребовал, чтобы «общественный договор» не был окончательным и чтобы французское отечество было признано только на тридцатилетний срок, до 1823 года. Хотя, как мы видели, Робеспьер поддерживал в том же заседании пропагандистские идеи, благоприятствовавшие, по-видимому, химерам Клоотса, нельзя все же сказать, чтобы тогда или в какой-нибудь другой период монтаньяры требовали «республики человеческого рода». Что же касается «общественного договора» Иснара, то мы не видим также, чтобы жирондисты когда-либо примыкали к нему.

Повторяем еще раз: оппозиция монтаньяров по отношению к конституционному проекту жирондистов не выражала собою, по существу дела, никакого принципиального различия во взглядах. Если они нападали на этот проект, то только потому, что он исходил от их противников. При случае, они не колебались оспаривать в этом проекте свои собственные политические стремления, когда они встречали их в нем, и - странная вещь! - в таких случаях они выставляли против них скорее жирондистские аргументы. Так, Кондорсе хотел организовать довольно сильную исполнительную власть, опирающуюся на народный вотум. Если у монтаньяров была своя излюбленная политическая идея, то, конечно, это была идея сильной исполнительной власти; между тем 24 апреля Сен-Жюст критиковал эту исполнительную власть, как могущую оказаться опасным соперником национального представительства, а 10 мая Робеспьер произнес следующую похвалу децентрализации: «Избегайте прежней мании правительств, стремления слишком управлять; предоставьте индивидам, предоставьте семьям право делать то, что не вредит никому; предоставьте коммунаам устраивать самим свои собственные дела в тех случаях, когда это не касается по существу общей администрации республики; словом - предоставьте индивидуальной свободе все то, что не принадлежит по естественным законам публичной власти, и вы отнимете этим почву у честолюбия и произвола».

Замечательно, с другой стороны, что обе партии, сходящиеся по существу в основных принципах, часто, во время этих прений, соглашались на том, чтобы отсрочить их применение. Так, статья проекта декларации, устанавливавшая свободу вероисповеданий, без сомнения отвечала единодушным взглядам всех членов Конвента, и, однако, они решили на заседании 19 апреля вычеркнуть эту статью. Почему? «Было высказано справедливое требование, - говорится во «Французском Патриоте» от 21 апреля, - чтобы эта статья исчезла; было указано, что законодательство не должно иметь влияния на отношения человека к божеству, что провозгласить свободу вероисповедания почти значило бы предположить, что оно могло быть несвободным; о свободе культа так же не следует упоминать специально, как и о свободе ходить, есть или пить; если Декларация учредительного собрания устанавливала особо свободу культа, то это потому, что фанатизм еще не был тогда развенчан, что тогда еще господствовали все предрассудки. Затем эти принципы, развитые Верньо, Дантоном и Саллем, легко восторжествовали, и вот почему, по предложению Жансоннэ, статья эта была вычеркнута из Декларации прав обсуждение ее было отложено до того времени, когда конвент будет заниматься той главой конституции, которая трактует о гражданской свободе». Таким образом, по словам «Патриота», Конвент отказался включить в конституцию принцип свободы культа

потому, что он казался ему неоспоримым. Это именно и говорилось большинством ораторов; но они говорили не только одно это. Один из членов Конвента (газеты не называют его имени), который первый потребовал, чтобы рассматриваемая нами статья была вычеркнута из Декларации прав, заявил при этом, что принцип свободы вероисповедания выше законов; но он прибавил кроме того еще следующее: «Если понимать под культом внешний культ, то я утверждаю, что ваша декларация не может санкционировать его свободы; ибо настанет, быть может, время, когда не будет другого внешнего культа, кроме культа свободы и общественной нравственности²². Верньо сказал: «Обсуждаемая нами статья - продукт деспотизма и суеверия, под игом которых так долго стонала Франция. Догмат католической церкви «Вне церкви нет спасения» не установил во Франции инквизиции, но он наполнил узниками наши бастилии. Когда Учредительное собрание дало первый толчок свободе, необходимо было, чтобы прекратить чудовищную нетерпимость, какая установилась, и разрушить предрассудки, на которые нельзя было нападать с фронта, санкционировать принцип веротерпимости, и это уже было большим шагом вперед. Но в настоящую минуту мы в другом положении: умы освободились от своих постыдных пут, наши окопы разбиты, и я не думаю, чтобы в декларации социальных прав вы могли санкционировать принципы, безусловно чуждые социальному строю.

Отсюда видно, что мысль нанести удар католицизму, подготовить то, что позднее стало называться царством разума, не была чужда по крайней мере двум из ораторов, противившихся провозглашению принципа свободы культов. Тем не менее, по-видимому, не эта идея «анти-христианизма» руководила вотумом Конвента. Решающий аргумент был в замаскированных выражениях указан Дантоном. «Если суеверие, - сказал он, - еще играет некоторую роль в движениях, волнующих республику, то это потому, что политика наших врагов всегда пользовалась им. Но заметьте, что повсюду, где народ не находится под влиянием злонамеренных импульсов, он признает, что всякий желающий стать между ним и божеством - обманщик. Повсюду, раздавались требования о ссылке фанатических и мятежных священников. Берегитесь дурно истолковывать национальный разум; берегитесь включать статью, которая содержала бы в себе это несправедливое истолкование; переходя к очередному порядку, устраните, так сказать, самый вопрос о священниках, и этим вы прославите себя в глазах ваших сограждан и потомства». Салль высказался яснее. «Я приглашаю Конвент, - сказал он, - редактировать декрет, которым всякий гражданин, - каково бы ни было его вероисповедание, обязывался бы подчиняться законам государства». Итак, Дантон и Салль советовали отсрочить провозглашение свободы культа, потому что священники злоупотребляли тогда этой свободой и агитировали вандейское восстание; и в высшей степени вероятно, что именно этот всецело «оппортунистический» аргумент убедил тогда Конвент вотировать за отсрочку.

Таким образом, монтаньяры и жирондисты умели быть единодушными против своих общих врагов, контрреволюционных священников. Было бы трудно понять, в чем состояло серьезное разногласие между ними в этих прениях о конституции, если бы в тот момент, когда борьба между парижской и провинциальной политикой приняла наиболее острый характер, на сцену не выступил, наконец, единственный вопрос, действительно разделявший их в политической области. 22 мая Рабо-Помье прямо потребовал, чтобы города с населением, превышавшим 50 000 душ, были подразделены на несколько муниципалитетов, а Бюзо заговорил с ненавистью о Париже и о его узурпаторском муниципалитете, разрушить единство которого, - сказал он, - было необходимо. Монтаньяры защищали Париж с красноречием. «Не будем обвинять Париж, - говорил Сен-Жюст 24 мая, - вознаградим дружески этот город за те бедствия, которые он претерпел ради нас. Кровь его мучеников смешана с кровью других французов; его дети вместе с другими зарыты в одной и той же могиле. Захочет ли каждый департамент взять обратно свои трупы и отделиться от Парижа?» Конвент не принял предложения Рабо-Помье. Еще 21 мая Конвент косвенно отверг проект кантональных муниципалитетов, удержав status quo, т.е. разделение Франции на департаменты, округа и муниципалитеты. Этот замечательный проект, стремившийся серьезно организовать коммуну и дать таким образом прочную основу революции, не удостоился даже сколько-нибудь внимательного обсуждения. Монтаньяры боялись, чтобы, раз будет затронута муниципальная организация вообще, не оказалось в опасности положение Парижа как столицы, а также парижской коммуны, и надо признать, что предложение Рабо-Помье оправдывало эти опасения.

Другое разногласие между жирондистами и монтаньярами заключалось в том, что последние не хотели при, данных обстоятельствах выработать конституцию, первые же, напротив того, желали, чтобы конституция была возможно скорее закончена. Якобинцы требовали отсрочки. 26 апреля Тюрио предложил Конвенту замедлить прения до той поры, когда вернутся многочисленные депутаты-монтаньяры, разосланные по разным поручениям; 10 мая в различных частях зала раздавались крики: «Конституцию! Конституцию!»²³ Валазе представил анализ различных проектов, касавшихся формы и организации первичных собраний. Готовились приступить к обсуждению их, когда незначительный сам по себе инцидент, происшедший в одной из секций, заставил отложить прения. Они начались только 10 мая, когда была вотирована статья 1, провозглашавшая республику единой и нераздельной. 13 мая Комиссия шести добилась косвенного устранения проекта Кондорсе и, обратив в ничто весь труд первой конституционной комиссии, предложила Конвенту, в форме серии глав и вопросов²⁴, совершенно новый план обсуждения, который и был принят. Стремление тянуть дело и не доводить его до конца, пока жирондисты не были бы политически уничтожены, это стремление было так очевидно, что Кондорсе (это был единственный случай, когда он вмешался в прения) предложил Конвенту 15 мая назначить срок, к которому должна была быть закончена конституция. Если бы до 1 ноября 1793 г. первичные собрания не были созваны, чтобы высказаться относительно конституции, то в этот день они должны были бы считаться созданными по праву, с тем чтобы избрать другой Конвент, который должен был бы приступить к своим обязанностям 15 декабря. Это предложение не было принято, но Конвент вотировал четыре статьи, относившиеся к территориальному подразделению, и дополнил их 21 мая пятой статьей. Затем прения прервались на восемь дней.

29 мая Барер представил и заставил принять окончательную редакцию Декларации прав. К этому времени были вотируются только шесть статей конституции: первой из них республика признавалась единой и нераздельной, а пять остальных, относившиеся к территориальному подразделению, удерживали существующее положение вещей; таким образом, за исключением Декларации прав, более демократической, чем Декларация 1789 г., Конвент не декретировал ничего такого, что уже не существовало бы ранее. Казалось, что жирондистское большинство потерпело неудачу, что оно было неспособно дать республике конституцию; к обнаружению этой неудачи, этого бессилия и стремилась политическая тактика монтаньяров в течение всех дебатов, наиболее характерные инциденты вторых мы только что изложили.

IV

Было очевидно, что Париж не принял бы конституции из рук жирондистов, что, каково бы ни было ее содержание, он отверг бы ее, как символ федерализма. С другой стороны, стало очевидным, что в этот критический период распри между провинцией и Парижем конституция была единственным средством умиротворения, примирения французов. Люди, желавшие, подобно Дантону, не только свергнуть политическое преобладание жирондистов, но и помешать насильственному акту со стороны парижан и народа, уже грозившему им, хорошо понимали тогда, что если бы была быстро проведена конституция, отредактированная монтаньярами, то это, быть может, расстроило бы насильственные замыслы. С этой, именно, целью, 30 мая 1793 г., «по указанию Комитета общественного спасения», Конвент присоединил к этому Комитету Эро де Сешелля, Рамеля, Сен-Жюста, Матьё и Кутона, «с тем, чтобы они представили на обсуждение конституционные статьи».

Эта запоздавшая мера не помешала народному государственному перевороту 31 мая и 2 июня 1793 г., вызвавшему грозное движение департаментов против Парижа.

Комитет общественного спасения рассудил тогда, что единственным средством спасти Францию было теперь, более чем когда-либо, изготовление конституции, которая привлекла бы департаменты, причем необходимо было изготовить ее быстро, немедленно же и даже на скорую руку, если это понадобится.

Эта работа была поручена ловкому и изящному перу Эро де Сешелля.

Мы мало знаем о прениях, происходивших в Комитете по поводу конституции, и в частности о роли Эро. Сен-Жюст говорит в своем докладе от 11 жерминаля II года: «Мы помним, что Эро с чувством отвращения безмолвно следил за работами людей, набрасывавших план той конституции, бесстыдным докладчиком которой он сделался». Возможно, что этот дилетант с флегматической иронией, безмолвно и улыбаясь, слушал сантиментальные излияния Кутона и юношеские декламации Сен-Жюста²⁵. Несомненно только, что в его руках находилось перо. В Национальном архиве хранятся написанные его рукой не только доклад, но также проект конституции и проект декларации, в виде черновиков, испещренных помарками²⁶.

Он работал очень быстро и употребил на составление своего проекта только шесть дней. Это подтверждается тем, что он представил его Комитету вечером 9 июня²⁷, а события 31 мая и 2 июня без сомнения не позволили ему приняться за работу ранее 3 июня. Комитет принял проект на своем заседании утром 10 июня²⁸, и в тот же день Эро прочел его в Конвенте.

Во главе этого проекта²⁹ были воспроизведены Декларация прав, принятая Конвентом 29 мая, и несколько уже декретированных статей. Что касается всего остального, то можно сказать, что это был главным образом упрощенный проект Кондорсе. Были различия, но они, по-видимому, проистекали не из какого-либо другого представления о демократии. Вот важнейшие из них.

В силу предшествовавших вотумов Конвента мысль об обширных коммунах и кантональных муниципалитетах была оставлена. Почему? «Могли ли мы, - говорит Эро, - не сохранить существующие муниципалитеты, как бы велика ни была их численность? Это было бы неблагодарностью к революции, преступлением против свободы. Что говорю я? Это значило бы действительно уничтожить народное правительство. Какое несчастье для граждан, если бы в некоторых из их коммун (а раз началось бы сокращение муниципалитетов, оно не могло бы ограничиться менее чем четырнадцатью тысячами) они были лишены утешения братски участвовать в самоуправлении! Человеческий род состоит из разбросанных там и сям более или менее многочисленных семей; но все они имеют одинаковое право на цивилизацию и счастье. Шарф, покрывающий лохмотья, настолько же священен, как и шарф представителей самых многолюдных городов; человек, носящий его, так же не согласится расстаться с ним, как и отказаться от своего вотума или ружья. Кроме того, какое может быть неудобство? Нет, мысль об уменьшении муниципалитетов могла возникнуть только в головах аристократов, откуда она перешла в головы умеренных». Таким образом, в деле территориального подразделения было удержано с решительностью, status quo.

Что касается организации всеобщего избирательного права, то, за исключением выборов в члены исполнительного совета, слишком хитроумная и сложная система кандидатур была оставлена. Выборы должны были происходить в некоторых случаях непосредственно, а именно, при назначении депутатов и муниципальных должностных лиц, в некоторых же случаях выборы были двухстепенными (первичные и избирательные собрания), как, например, при назначении департаментских и окружных властей, а также и судей, иногда же они были даже трехстепенными, а именно при избрании членов Исполнительного совета.

Выборы в законодательный корпус должны были совершаться способом, аналогичным нашему голосованию по округам. Каждый избирательный округ составлялся из соединения всех первичных собраний, приходившихся на каждые 50 000 жителей, и должен был назначить непосредственно одного депутата. Этим хотели «избежать федерализма и помешать депутату говорить впредь от имени только одного своего департамента»³⁰.

Законодательный корпус избирался лишь на один год.

Исполнительный совет, состоявший из двадцати четырех членов, назначался следующим образом: «Избирательное собрание каждого департамента назначает одного кандидата. Законодательный корпус избирает из этого общего списка членов исполнительного совета». Этот совет должен был возобновляться каждый год в размере половины своих членов. Он избирал из своей среды заведующих общей администрацией республики. В частности он назначал чиновников национального казначейства и контрольной палаты, избрание которых, по проекту Кондорсе, поручалось народу.

Функционирование народного референдума было организовано на тех же принципах, как и в жирондистском проекте. Законодательный корпус предлагал бы законы и издавал декреты. Декреты должны были бы выполняться без народной санкции; законы же приводились бы в исполнение лишь в том случае, если бы народ не воспротивился им. Народ мог остановить закон, если к концу тридцати дней в десяти департаментах одно или несколько первичных собраний заявили бы свой протест; затем проект перечислял вопросы, подлежащие ведению законов, и вопросы, которые должны были решаться декретами.

Эро предлагал, кроме того, учредить «большое национальное жюри», «чтобы гарантировать граждан от тирании законодательного корпуса и совета», но это предложение не было принято.

Наконец, в области иностранной политики докладчик предлагал изгладить все следы пропаганды и санкционировал систему невмешательства, провозглашенную декретом 13 апреля 1793 г.

V

Успехи федерального восстания обязывали Конвент торопиться: депутаты, бывшие в миссиях, требовали в своих письмах к Комитету конституции, как единственного средства прекратить гражданскую войну. Вследствие этого проект Эро был обсужден и принят почти с лихорадочной поспешностью - в тринадцать дней. Прения начались 11 июня 1793 г. и закончились 24 числа того же месяца. Вот главнейшие сопровождавшие их инциденты.

11 июня, вотируя семь первых статей, Конвент, «чтобы закрыть все пути федерализму», прибавил к ним следующие слова: «Верховным народом признается вся совокупность французских граждан».

12 июня Тюрио и Дантон подвергли критике статью проекта Эро, предписывавшую тайную подачу голосов при выборах. Они требовали, чтобы можно было вотировать открыто. Дюко возразил на это, что открытая подача голосов доставила бы преобладающее влияние богачам и хозяевам. Но Барер рекомендовал этот способ вотиrowания как средство для правительственной партии руководить выборами. «Я хочу указать, - говорил он, - что тайное вотиrowание дало бы слабым или испорченным людям возможность очень часто содействовать дурному выбору; кроме того, нельзя оспаривать у добрых граждан права быть мужественными». Конвент декретировал, чтобы «выборы происходили путем тайной или открытой подачи голосов, по желанию каждого из вотиrowующих». Он прибавил, правда, «что первичное собрание ни в каком случае не могло предписывать однообразного способа подачи голосов». Но Барер уже заранее исключал из категории «добрых граждан» каждого, кто захотел бы вотировать тайно. Свободного голосования, таким образом, не было бы. Дело в том, что республиканская партия еще не чувствовала уверенности в том, что она обладает большинством в стране; она, по видимому, боялась, чтобы масса неграмотного народа, предоставленная самой себе, не вернулась к роялизму.

15 июня произошли жаркие дебаты по поводу статей проекта, устанавливавших двойные и тройные выборы при назначении административных должностных лиц и членов Исполнительного совета. Появление вновь этих «избирательных собраний», о которых так часто доносили якобинцам, как о проникнутых анти-парижским, департаментским духом, вызвало беспокойство. Гийомар и Шабо говорили в пользу прямой подачи голосов, как более демократической, Робеспьер и Левассёр (из департамента Сарты) говорили, напротив того, что косвенной подачей голосов они хотели устранить «опасное соперничество» между Исполнительным советом и Законодательным корпусом, которое неизбежно возникло бы, если бы Совет, как и депутаты, назначался непосредственно народом. Конвент согласился с ними и удержал избирательные собрания.

В тот же день, по поводу статьи проекта, согласно которой «депутаты не могли быть ни в какое время преследуемы, обвиняемы или судимы за мнения, высказанные ими в Законодательном корпусе», был поднят вопрос о праве народа отзываться депутатов, уже поднимавшийся в сентябре 1792 г., во время выборов в Конвент³¹. Как! говорил Рюль (Ruhl), депутаты будут иметь право безнаказанно высказывать роялистические взгляды? Будут ли они иметь право, спрашивал Тюрио, выражать федералистические взгляды? Базир потребовал учреждения национального жюри для суда над депутатами, которые захотели бы назначить тирана. Робеспьер присоединился к этим мнениям, но спрашивал, какими практическими средствами можно было бы их осуществить. Быть может, сказал он, можно было бы установить право народа наказывать выходящих депутатов. Он потребовал, чтобы эта идея была передана на обсуждение в Комитет общественного спасения. Конвент вотиrowал статью, предложенную Эро, в неизменном виде и, таким образом, отказал народу в праве отстранять депутатов, если бы ему показалось, что они нарушают свой мандат, в праве, еще недавно требовавшемся многими демократами.

Подобным же образом, 16 июня, Конвент отверг проект «большого национального жюри», предложенный Эро с целью гарантировать граждан от тирании. Он решил только по предложению Робеспьера, чтобы к обсуждению этого вопроса вернулись позже.

Происходили ли прения в Конвенте по вопросу о народном референдуме и об установлении различия между *декретами*, подлежащими выполнению без вмешательства народа, и *законами*, относительно которых народ имел бы право высказываться? Я не нашел никаких следов этих прений в отчетах газет. Однако в этих статьях проекта Эро, относившихся к законам и декретам, были сделаны довольно серьезные изменения, и так как этот вопрос занимает очень важное место в истории организации демократии, то мы считаем небесполезным привести здесь целиком как первоначальный проект докладчика, так и принятый текст.

Вот проект Эро:

1. Законодательный корпус предлагает законы и издает декреты.

2. Под общим именем «законов» понимаются акты Законодательного корпуса, касающиеся следующих предметов:

Гражданского и уголовного законодательства и общей полиции. Национальных имуществ и учреждений, различных отраслей общего управления обыкновенными доходами и расходами республики.

Пробы, веса, изображения и названия монет.

Свойства, размера и сбора налогов.

Публичных почестей в память великих людей.

3. Под особым наименованием «декретов» понимаются акты Законодательного корпуса, касающиеся следующих предметов:

Установления ежегодного контингента сухопутных и морских сил.

Разрешения или запрещения иностранным войскам проходить по французской территории.

Входа чужеземных морских сил в гавани республики.

Мер обеспечения общественной безопасности и спокойствия.

Ежегодного и временного распределения помощи путем общественных работ.

Непредвиденных и чрезвычайным расходов.

Распоряжений о фабрикации монет ценного рода.

Местных и частных мер, касающихся одного департамента, одной коммуны, одного рода работ и т.д.

Объявления войны, утверждения трактатов и всего, что касается иностранцев.

Назначения и смещения главнокомандующих армиями.

Применения правил об ответственности членов Совета и общественных должностных лиц, преследования и предания суду обвиняемых в заговорах или покушениях против общей безопасности республики.

Национальных наград.

Вот принятый текст, составляющий 53, 54 и 55 статьи конституции:

53. Законодательный корпус предлагает законы и издает декреты.

54. Под общим именем «законов» понимаются акты Законодательного корпуса, касающиеся следующих предметов:

Гражданского и уголовного законодательства.

Общего управления обыкновенными доходами и расходами республики.

Национальных имуществ.

Пробы, веса, изображения и наименования монет.

Свойства, размера и сбора налогов.

Объявления войны.

Всякого нового общего распределения французской территории.

Народного просвещения.

Общественных почестей в память великих людей.

55. Под особым наименованием «декретов» понимаются акты Законодательного корпуса, касающиеся следующих вопросов:

Ежегодного установления контингента сухопутных и морских сил.

Позволения или запрещения иностранным войскам проходить по французской территории.

Входа чужеземных морских сил в гавани республики.

Мер общественной безопасности и спокойствия.

Преследования обвиненных в заговорах против общей безопасности республики.

Распоряжения о фабрикации монет всякого рода.

Непредвиденных и чрезвычайных расходов.

Местных и частных мер, касающихся одного департамента, одной коммуны, одного рода работ.

Защиты территории.

Утверждения трактатов.

Назначения и смещения главнокомандующих армиями.

Применения правил об ответственности членов Совета и общественных должностных лиц.

Преследования обвиняемых в заговорах против общей безопасности республики.

Всякого изменения в частичном распределении французской территории.

Национальных наград.

Мы видим, что Конвент считал нужным включить в категорию законов, т.е. подчинить утверждению народа, объявление войны. Это изменение имело огромное значение: это значило сделать почти невозможной всякую наступательную войну; это значило санкционировать мирные принципы, установленные Учредительным собранием; это

значило почти не признать законными войны, объявленные как Законодательным собранием, так и самим Национальным конвентом. Зато Конвент, в противоположность проекту Барера, изъял от народной санкции «Законодательство, касающееся общей полиции».

19 июня, по поводу статьи, гласившей: «Никто из граждан не освобождается от почетной обязанности участвовать в платеже общественных налогов», Левассёр (из департамента Сарты) потребовал, чтобы было декретировано, что нельзя взимать никакого налога с того, кто имеет лишь безусловно необходимое, и чтобы, согласно декрету 18 марта, был установлен прогрессивный налог, пропорциональный имуществу плательщиков. Жирондист Дюко поддержал первое из этих предложений, но ничего не сказал о втором, которое не было поддержано никем. Камбон, Фабр д'Эглантин и Робеспьер говорили против изъятия, которого требовали для бедных граждан. «Я разделял одно время заблуждение Дюко, - сказал Робеспьер; - я думаю даже, что где-нибудь я писал об этом³³ но я вернулся к основным принципам; меня просветил здравый смысл народа, который чувствует, что род милости, предлагаемой ему, представляет собою лишь оскорбление». Это значило бы декретировать «унижение самой благородной части нации», «аристократию богатства». Тогда установился бы «класс собственников и класс илотов». А вот заключение: «Истинно народен и справедлив лишь принцип, санкционированный Декларацией прав³⁴, а именно - что общество обязано доставить все необходимое тем из своих членов, которые не могут обеспечить себя работой. Я требую, чтобы этот принцип был включен в конституцию, чтобы бедный, обязанный внести свой оброк в виде налога, получал его от отечества, чтобы снова передать его в общественную кассу». О прогрессивном налоге ни слова. Робеспьер отказался от своего «социализма», который он проповедывал в апреле 1793 г., без сомнения лишь для того, чтобы лишить популярности жирондистов. Конвент вотировал без изменения статью, предложенную Эро. Тогда Кутон потребовал, чтобы Комитет общественного спасения редактировал предложение Робеспьера в форме статьи, которую следовало включить в конституцию. Тюрио возразил, «что эта статья уже находилась в Декларации прав». «Ее нет там, - сказал Робеспьер, - в том смысле, какой я придаю ей. Я требую кроме того, чтобы Комитету было поручено пересмотреть Декларацию прав, многие статьи которой уже не согласуются с конституцией и даже изменяют ее». Соответственно этому был издан декрет, и таким образом Конвент отрекся от Декларации прав, вотированной им 29 мая.

Статьи, касавшиеся сношений французской республики с иностранными нациями, были вотированы 18 июня почти без изменения в том виде, как они были предложены Эро. Вот эти статьи:

118. Французский народ друг и естественный союзник свободных пародии.

119. Он не вмешивается в правительство других наций; он не потерпит, чтобы другие нации вмешивались в его правительство.

120. Он дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества ради дела свободы. Он отказывает в этом тиранам.

121. Он никогда не заключит мира с врагом, занимающим его территорию.

Эти принципы, так противоречившие статьям пропагандистского характера, предложены Робеспьером в апреле, были вотированы без всякого возражения со стороны Робеспьера или кого другого. По-видимому, всякий сантиментализм в области иностранной политики был покинут. Так, когда Грегуар предложил «декларацию международного права», Барер пригласил Конвент «не вдаваться в философию» и добился перехода к очередному порядку дня.

Последняя статья послужила поводом к знаменитому инциденту. Мерсье сказал: «Вы, значит, обольщаете себя надеждой быть всегда победителями? Разве вы заключили договор с победой?» Тогда Базир воскликнул среди аплодисментов: «Мы заключили его со смертью!» Робеспьер и Барер немедленно же перефразировали это восклицание Базира³⁵.

В тот же день, 18 июня, обсуждалась нижеследующая статья проекта Эро, относившаяся к «гарантии прав»: «Конституция гарантирует всем французам право петиции, право составлять народные общества и пользование всеми нравами человека». Робеспьер потребовал, чтобы сюда было включено право на общее образование. Бойе-Фонфред снова поднял вопрос о свободе культа, уже дебатировавшийся Конвентом в апреле³⁶, и потребовал, чтобы эта свобода была включена в число гарантированных прав. «Не упоминайте совсем о культе в конституции, - сказал Левассёр. - Французский народ не признает никакого культа, кроме культа свободы и равенства». Барер не разделял этого мнения. «Я не суеверен и не ханжа, - сказал он; - но я думаю, что свободное отправление своего культа принадлежит к правам человека» и он сослался на пример Соединенных штатов.

Но Робеспьер заявил, что, по его мнению, обстоятельства не позволяли провозгласить свободу культа. «Я боюсь, - сказал он, - чтобы заговорщики не извлекли из конституционной статьи, санкционирующей свободу культа, средства уничтожить общественную свободу; я опасуюсь, чтобы люди, которые пожелают составить антиреволюционные сообщества, не замаскировывали их религиозными формами. Тогда, если вы скажете им: «Вы собираетесь под предлогом отправления вашего культа, но в действительности вы заговорщики», они ответят: «На нашей стороне конституция и законы; вы не имеете права истолковывать наши намерения и расстраивать наши религиозные церемонии». Вот под какой лицемерной маской заговорщики могли бы наносить удары свободе». Он потребовал перехода к очередному порядку дня, мотивированного тем, что принцип свободы мнений был санкционирован Декларацией прав. Жирондист Бойе-Фонфред поддержал это предложение, и оно было принято Конвентом. Затем Конвент декретировал в следующих выражениях исправленную статью: «Конституция гарантирует всем французам общее образование, общественное призвание, право петиций, право составлять народные общества и пользование всеми правами человека»³⁷.

Эта статья, как и все остальные, была принята только в первом чтении. Второе чтение всей конституции имело место 24 июня и было окончено в одно заседание. Чтобы ускорить дело, было решено, «чтобы все статьи, которые не вызовут протеста, считались за принятые окончательно»³⁸. Из организованного таким образом второго чтения статья относительно гарантий прав вышла видоизмененной и расширенной, а именно: «Конституция гарантирует всем французам равенство, свободу, безопасность, собственность, уплату государственного долга, свободное отправление культа, общее образование, общественное призвание, неограниченную свободу печати, право петиций, право составлять народные общества, пользование всеми правами человека». Нам известно из протокола заседания³⁹, что неограниченная свобода печати и государственный долг были прибавлены, благодаря импровизированным поправкам; внесенным во время заседания. Но каким образом оказалось восстановленным в окончательном тексте свободное отправление культа, категорически отвергнутое в первом чтении? Очевидно, что автором этой прибавки был Комитет общественного спасения: под влиянием Дантона он склонился теперь к умеренности по отношению к вандейцам, которых убеждали их священники, что республика хотела уничтожить христианство.

Если мы напомним, что Камбасерес предлагал учредить суд присяжных в гражданских делах, что Робеспьер и Комитет общественного спасения оспаривали это предложение и что Конвент не принял его (19 июня), то мы исчерпаем все наиболее важные инциденты, происшедшие при обсуждении конституции монтаньяров⁴⁰.

Оставалась еще Декларация прав, которую Конвент поручил снова проредактировать своему Комитету общественного спасения. Эро де Сешелль представил ее 24 июня. Конвент декретировал на том же заседании, что он принимает ее «в ее целом», затем немедленно же перешел ко второму чтению и утвердил ее своим окончательным вотумом⁴¹.

Если сравнить ее с жирондистским проектом в том виде, как он был принят Конвентом, то легко видеть, что в сущности разницы между ними не было. Изменения были сделаны преимущественно в форме, с целью придать немного более демократический характер Декларации.

Вот наиболее интересные из этих изменений.

Жирондистская конституция допускала косвенно домашнюю прислугу к осуществлению избирательного права; но в жирондистской декларации об этом не было сказано ни слова. Статья 18-я декларации монтаньяров гласила: «... Закон не знает положения прислуги; может существовать только обязательство забот, с одной стороны, и признательности - с другой, между человеком, который работает, и тем, который нанимает его».

Жирондистская декларация признавала право восстания только в тех случаях, когда были бы исчерпаны все законные средства сопротивления гнету. Декларация монтаньяров высказывается решительнее:

33. Сопротивление гнету есть последствие других прав человека.

34. Происходит угнетение всего общественного тела, когда угнетается лишь один из его членов; происходит угнетение каждого из членов, когда угнетается все общественное тело.

35. Когда правительство нарушает права народа, восстание составляет для каждой части народа самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей.

Была ли декларация монтаньяров более «социалистической», чем жирондистская? Статья 17-я последней гласила: «Право собственности состоит в том, что каждый человек признается свободным располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими капиталами, доходами и промышленностью». Статья 16-я декларации монтаньяров была отредактирована так: «Право собственности - это право, принадлежащее всякому гражданину, пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своей промышленности». О «социалистических» статьях, еще так недавно предлагавшихся Робеспьером, не было и помина.

Можно, однако, сказать, что в некоторых статьях декларации монтаньяров пробивались известные «социалистические» тенденции. Так, первые слова первой статьи «целью общества является общее счастье» послужили исходной формулой для бабувистов. Жирондистская декларация ограничилась заявлением, что «общественное призвание - священный долг». Декларация монтаньяров прибавляет к этому: «Общество обязано доставить средства существования несчастным гражданам путем доставления им работы или обеспечением средств существования людям, которые не в состоянии работать». Но все это не было новостью. Теории «общего благосостояния» и «права на труд» часто развивались с трибуны и в печати людьми 1789 года.

Читатель помнит, что во время первых прений по поводу жирондистской конституции Конвент вычеркнул из нее свободу культа; декларация монтаньяров провозглашала эту свободу; таким образом эта свобода подтверждалась в двух местах нового учредительного акта.

VI

Конституция 24 июня 1793 года является наиболее демократической из всех французских конституций. Она не только кладет в свою основу верховную волю народа, осуществляемую путем всеобщей подачи голосов, но и организует эту верховную власть таким образом, чтобы народ не передавал вполне своих полномочий и участвовал сам в изготовлении законов при посредстве того права veto, которое обращало народ, созданный в первичные собрания, в настоящий сенат французской республики, согласно желанию, уже давно высказывавшемуся наиболее передовой частью французской демократии.

Эта конституция оказалась в такой степени демократической вовсе не потому, что ее редактировали монтаньяры. В некоторых отношениях текст, принятый ими 24 июня 1793 г., носил менее смело-демократический характер, чем жирондистский проект. В последнем решающее слово при назначении исполнительного совета принадлежало первичным собраниям; в конституции монтаньяров исполнительный совет выбирался законодательным корпусом из списка, составленного избирательными собраниями департаментов. Жирондисты предоставляли народу выбор членов казначейства и контрольной палаты; монтаньяры предоставляли этот выбор исполнительному совету. Двойная подача голосов, уничтоженная жирондистами, была восстановлена монтаньярами в известных случаях, а именно - при назначении административных должностных лиц. «... Сам народ, - говорил Эро в своем докладе, - не в состоянии избирать их». Отсюда видно, что монтаньяры питали менее доверия, чем жирондисты, к умственным способностям народа. Это доказывается также и тем, как они организовали референдум, санкцию законов народом. По проекту жирондистов, чтобы опротестовать закон, достаточно было большинства в одном или двух департаментах; монтаньярская конституция требовала для этого гораздо более трудно выполнимых условий, а именно протеста со стороны, по крайней мере, десятой части первичных собраний и притом не менее чем в большинстве департаментов. Напротив того, право восстания было определеннее провозглашено монтаньярами, и их декларация обнаруживала некоторые «социалистические» тенденции. Но эти различия проявлялись скорее в языке, чем в идеях, скорее в форме, чем в содержании. В общем монтаньяры сузили право непосредственного самоуправления, предоставленного народу жирондистами, и в этом отношении их конституция была менее демократической, чем жирондистская.

Между тем случилось так, что монтаньяры оказались более горячими друзьями народа, более демократами, чем жирондисты. Так как эти последние руководили борьбой департаментов против Парижа, что давало повод обвинять их в федерализме, и так как они были как бы союзниками роялистов и умеренных антидемократов во время восстания июня и июля 1793 г., то впоследствии явилось представление, что их проект конституции был заражен модерантизмом и роялизмом. Хотя текст монтаньяров был лишь «приспособлением» жирондистского, в нем увидели оригинальный текст; хотя демократическая смелость жирондистов была в нем иногда смягчена, в нем увидели наиболее демократическую из систем. Особенно в эпоху термидорианской реакции и Директории конституция 1793 г., отмененная тогда, сделалась символом демократических стремлений. Когда конституция III года восстановила систему ценза, когда оставшиеся в живых жирондисты сделали защитниками этой системы, когда против сторонников конституции 1793 г. была декретирована смертная казнь, - тогда эта конституция приняла в народном воображении характер какого-то мистического, магического текста, евангелия демократии. Во имя этой конституции монтаньяров произошли восстания жерминаля и прериала III года; во имя той же конституции составил заговор бабувистов в IV году. Наконец, на эту конституцию ссылались еще позднее демократы и социалисты времен Людовика-Филиппа и Второй республики.

Высказывалось мнение, что эта конституция не была применена потому, что она была неприменима на практике. И действительно, она была неприменима, потому что осталась незаконченной. Она предоставляла (статья 83) будущему законодательному корпусу определить, «правила подчиненности» различных административных коллегий; она по назначила представителей центральной власти при этих, коллегиях: между тем учреждение исполнительного совета из двадцати четырех членов при выборных местных властях, подчиненность которых не была установлена, было бы равносильно анархии даже в мирное время, а тогда была война. Вот почему конституция 1793 г., в ее тогдашнем виде, без органических законов, была действительно невыполнима.⁴²

Но объяснялся ли этот важный пробел безрассудством со стороны монтаньяров - редакторов конституции? Нет, потому что они сами указали на этот пробел, предоставив будущему законодательному корпусу заполнить его. Если они не сделали этого сами, то только с целью не раздражить еще более департаментов, находившихся тогда в восстании и ревнивее, чем когда-либо, относившихся к своей независимости. Это обстоятельство раскрывает нам истинный исторический характер монтаньярской конституции. Это была демократическая программа, не предназначенная для будущего. Это была также, и прежде всего, политическая мера, вызванная тогдашними обстоятельствами и имевшая целью прекратить гражданскую войну. Одна конституция могла сплотить французов, разделившихся на партии и уничтожавших друг друга. Необходимо было, чтобы она могла удовлетворить одновременно обе воюющие стороны, монтаньярскую и жирондистскую партию, или, точнее, парижскую и департаментскую. Парижским демократам конституция даровала право на труд, право восстания, обещание «общего счастья», - слова и фразы, которыми они удовлетворялись. Умеренным департаментам она делала более реальные уступки, а именно вот какие.

Департаменты боялись диктатуры Парижа. Конституция своим референдумом предоставляла в области общей политики последнее слово департаментам.

Они страшились диктатуры одного человека: Робеспьера или Дантона. Конституция поручала исполнительную власть двадцати четырем гражданам, в назначении которых участвовали все департаменты.

Чего еще боялись департаменты, особенно западные, в которых священники подняли восстание? Они боялись, чтобы не захотели запереть церкви и упразднить религию. Конституция дважды обещала свободное отправление культа.

Департаменты, следовательно, получили полное удовлетворение во всем, что касалось их существенных требований. Конституция была встречена ими с восторгом⁴³. После слабых попыток продолжать войну, оружие выпало из рук жирондистских инсургентов. Республиканская партия, примиренная и объединенная наконец, стала дружно вести борьбу с роялистскими восстаниями Вандеи, Лиона и Тулона, которые, предоставленные своим собственным силам, были побеждены.

VII

27 июня 1793 г. Конвент декретировал, чтобы «через неделю со дня получения настоящего декрета декларация прав и конституционный акт были представлены на утверждение созданных первичных, собраний». Этот плебисцит произошел, следовательно, не одновременно по всей Франции. В Париже вотировали между 2 и 4 июля 1793 г., а в департаментах - между 14 и 22 июля.

Каков же был результат этого плебисцита?

Согласно декрету Конвента, этот результат должен был быть провозглашен на празднестве 10 августа. Комиссия, подсчитывавшая итоги плебисцита, должна была представить свой доклад 9 августа. Но так как все данные еще не были собраны, то докладчик Госсюэн ограничился заявлением, что принятие конституции не подлежало сомнению, не будучи в состоянии привести точных цифр. На следующий день, 10 августа, Эро де Сешелль говорил на Марсовом поле: «Французы! ваши уполномоченные обратились в 86 департаментах к вашему разуму и вашей совести; 86 департаментов признали конституционный акт. Никогда более обширная и более народная республика не была организована с более единодушным одобрением. Год тому назад наша территория была занята чужеземцами; мы провозгласили республику и оказались победителями. Теперь, когда мы устанавливаем конституцию во Франции, Европа нападает на нас со всех сторон. Поклянемся защищать конституцию до самой смерти. Республика бессмертна!»

20 августа проверочная комиссия могла объявить цифры. Из 4 944 кантонов, составлявших, по ее словам, республику, протоколы не были еще получены только от 516. Конституция была принята 1784377 голосами против 11 531. 1 плювиоза II года был составлен дополнительный бюллетень: после 20 августа получились протоколы еще от 92 кантонов, содержащие 17541 утвердительных вотумов и 79 отрицательных, так что к 1 плювиоза конституция оказалась принятой 1 801 918 голосами против 11 060. Недоставало еще протоколов 424 кантонов, но ими уже не интересовались, и, насколько мне известно, других бюллетеней не появлялось после того⁴⁴.

Если эти итоги и не полны, то тем не менее они достаточно указывают на то, что конституция была принята почти единогласно всеми вотирующими. Без сомнения, цифра воздержавшихся от голосования громадна, но только по отношению к нашим современным избирательным привычкам, а не по отношению к той эпохе. Даже во время конституционной монархии, при системе ценза, только слабое меньшинство активных граждан принимало участие в первичных собраниях. Часто случалось, что на них присутствовала только пятая часть внесенных в списки. Все заставляет думать, что, в общем, граждане, воздержавшиеся от вотума в июле 1793 г., сделали это по небрежности, по незнанию своих прав и по неопытности. Если судить по прецедентам, то на это участие в голосовании около двух миллионов граждан можно было смотреть почти как на прогресс в избирательной жизни нации.

Следует прибавить еще, что плебисцит не мог произойти во всей Франции. Первичные собрания не были созваны ни в департаменте Корсики, ни в части Северного департамента, занятого неприятелем, ни в сельских коммунах департамента Вандеи, где господствовало восстание. Госсюэн говорит в своем докладе от 9 августа, что в Вандее было создано только 29 первичных собраний, а на Севере - «лишь большинство первичных собраний».

Тот же доклад констатирует также, что, за исключением Марсели, во всех больших городах конституция была принята единодушно и что из сорока тысяч коммун республики лишь одна коммуна Сен-Донан (департамент Кот-дю-Нор) потребовала восстановления королевской власти⁴⁵.

Списки показывают, что в шести департаментах - Нижних Альпов, Шера, Мозеля, Парижа (40 990 утвердительных вотумов), Верхней Саоны и Вара - не было вовсе протестовавших. В следующих департаментах было всего больше отрицательных вотумов: Финистер (9965), Морбинан, Кот-дю-Нор, Монтеррибль (1 007 отрицательных вотумов против 1 592 утвердительных), Авейрон, Монблан, Ду, Орн, Нижняя Сена, Кальвадос, Ламанш, Майенн, Рона-и-Луара, Жиронда⁴⁶.

Посмотрим теперь, каким путем и в какой форме происходил плебисцит.

Декрет 27 июня 1793 г. гласил, что голосование должно было происходить способом, указанным в самой конституции, т. е. «тайной или открытой подачей голосов, по желанию каждого «вотирующего», причем никакое первичное собрание не имело права предписать своим членам однообразный способ вотирования. В инструкции, присоединенной к декрету, говорилось, что в каждом собрании, как только было бы выбрано бюро, секретарь должен был прочесть конституционный акт; затем президент должен был подвергнуть голосованию вопрос о принятии этого конституционного акта и вызывать по списку присутствовавших граждан. Протокол констатировал число вотировавших за и против.

Эти предписания воезде были соблюдены. Так, первичное собрание Донжона (департамент Аллье) постановило, чтобы подача голосов была тайной (было подано 122 утвердительных голоса, 20 отрицательных и 9 ни утвердительных, ни отрицательных).

Другие собрания, числом 297, приняли конституцию без индивидуального вотирования, par acclamation, в форме восторженного одобрения. То же самое произошло почти во всех секциях Парижа. Вот, например, как это было в секции Городской ратуши: «Президент (читаем мы в протоколе) заявил, что всякий гражданин был свободен и должен был без опасения высказать свое желание по отношению к конституционному акту, сообщив собранию обо всем, что могло, по его мнению, помешать счастью французского народа. Вследствие этого, ввиду того, что не появилось ни одного протеста, было подвергнуто голосованию принятие вышеупомянутого конституционного акта, который и был принят единогласно при всеобщих аплодисментах и криках: «Да здравствует республика! Да здравствует свобода!» В секции Арсенала индивидуальное вотирование имело место лишь после всеобщих криков одобрения: «По окончании чтения конституционного акта зал огласился удвоенными криками: «Принимаем!» и «Да здравствует республика!» Затем всякий поднялся на ноги, чтобы выразить свое самопроизвольное принятие конституционного акта; но президент, восстановив порядок, нарушенный радостью, потребовал выполнения закона. Он подверг голосованию вопрос о принятии и стал вызывать по списку присутствовавших граждан. По окончании опроса был произведен подсчет, и оказалось, что число вотировавших было 364, причем все они подали голос за принятие. Это неподдельное единодушие вызвало новый порыв радости, которую каждый выражал с сердечным излиянием, легче ощущаемым, чем поддающимся описанию, в форме братских объятий, этих предвестников прочного счастья, потому что оно основано на конституции, продиктованной мудростью и имеющей основой равенство». Восторженное всеобщее одобрение конституция вызвала также в секции Французского Театра. В секции 1792 года в этом квартале des Filles-Saint-Thomas, еще недавно отличавшемся таким роялизмом, дело произошло, по-видимому, тем же порядком: чтение конституционного акта было встречено криками: «Да здравствует республика!», и 1291 присутствовавших граждан приняли его «с самым полным единодушием»⁴⁷.

Могла ли быть при таких условиях полная свобода вотума? Потерпели ли бы эти охваченные единодушным восторгом собрания какое-либо несогласие с ними или даже тайную подачу голосов? Я нахожу пример нетерпимости в протоколе первичного собрания Лоньи (департамент Орн). Гражданин Гуалар, мэр, позволил себе сказать, что если и надо было принять конституцию, то разве только потому, что государство без законов было бы анархией и что единственным средством прекратить эту анархию было принять законы, каковы бы они ни были, дурные или хорошие. Ему стали шикать, грозить и выгнали его. Конституция была принята единодушно всеми 837 присутствовавшими⁴⁸.

По-видимому, принятие конституции рассматривалось как акт республиканского патриотизма, обязательный для каждого доброго гражданина⁴⁹.

С другой стороны, это вовсе не был один из тех плебисцитов, устраивавшихся позднее, где поставленный вопрос неизбежно и почти насильственно вызывал утвердительный ответ. Если судить по огромному числу протоколов, то в данном случае ответ был дан с искренним энтузиазмом и самопроизвольно всеми республиканцами, которые если и не представляли достаточной свободы своим противникам, то сами вотировали как патриоты и свободные люди. Случалось даже в нескольких местах, что они хотели мотивировать свой ответ. Декрет о созыве не запрещал первичным собраниям обсуждать конституцию; он не обязывал формально граждан отвечать лишь «да» или «нет». Некоторые первичные собрания сочли себя в праве подвергнуть пересмотру проект Конвента. Так, собрание в Сабль-д'Олоннь подвергло обсуждению всю конституцию, статью за статьей, и приняло ее только с внесенными в нее поправками⁵⁰.

VIII

Когда была провозглашена конституция (10 августа 1793 г.), то Конвенту оставалось, по-видимому, только разойтись, согласно статье 8-й декрета 27 июня, которая гласила: «Немедленно вслед за обнародованием воли французского народа Конвент назначит ближайшее время для созыва первичных собраний с целью выбора депутатов в Национальное собрание и организации установленных властей».

Но с тех пор Валансьена пал, и войска коалиции шли на Париж. Если бы Конвент разошелся при условиях такой крайней опасности, то он рисковал бы тем, что его могло заменить менее однородное собрание; он рисковал бы разрушить единство правительства в критический момент национальной защиты. С другой стороны, если бы он отсрочил применение конституции, то какое разочарование для страны! Что сказали бы те, которых одна конституция заставила сложить оружие? Могло бы показаться, что Конвент обманывал Францию с целью продлить свою власть. Недовольство, вызванное этим нарушением обещания, могло бы повести к гражданской войне.

В этих затруднительных обстоятельствах Делакура (из департамента Эр-и-Луара) предложил (11 августа) меру, которая, по-видимому, немедленно же выполняла обещание, данное стране, и вместе с тем давала Конвенту отсрочку. «Наша миссия выполнена, - сказал он, - но вы должны разрушить клеветы, распространяемые против вас. Административные власти из среды федералистов говорят, что вы хотите продлить свои полномочия. Если бы принятие конституции не изменило способа выборов, то мы могли бы немедленно же быть замещены другим собранием. Но теперь вам нужно знать численность населения по кантонам». И он убедил Конвент декретировать, чтобы каждый кантон в самый кратчайший срок составил список своего наличного населения с указанием числа граждан, имеющих право подавать голос. «Эти списки должны были немедленно же быть переданы в окружные директории, которые должны были переслать их департаментам со своими замечаниями как относительно распределения округов, установленных статьей 23 конституции для выбора одного депутата в Законодательный корпус, так и относительно распределения граждан по новым первичным собраниям, согласно статье 12 конституции. Директории департаментов должны были непосредственно и в возможно короткий срок доставить все эти списки в особую комиссию Национального конвента с присоединением своих замечаний». Все эти очень, сложные операции, очевидно, потребовали бы нескольких месяцев; таким образом, торопясь, по-видимому, применить новую конституцию,

новую конституцию, Конвент фактически удерживал существовавшее положение вещей до тех пор, пока национальная защита была бы обеспечена.

Уже и Госсюэн в конце своего доклада 9 августа давал понять, что Конвент еще не был накануне своего роспуска. По его словам, Конвент принял на себя «священное обязательство» декретировать, прежде чем разойтись, однообразный гражданский кодекс, законы относительно народного образования и, если будет возможно, спасительные законы, разъясняющие основы конституции. Вечером 11 августа в клубе якобинцев Робеспьер набросал очень мрачную картину положения республики и прямо требовал, чтобы Конвент не расходился при столь критических обстоятельствах. Он вызвал восторженное одобрение со стороны делегатов первичных собраний, присутствовавших на заседании и представлявших собой мнение департаментов. Один из них потребовал, чтобы Конвент не расходился раньше, чем им «будут декретированы меры общественного спасения» другой - чтобы он не расходился «до окончания войны». Клуб якобинцев одобрил эти взгляды без всякой оппозиции⁵¹.

12 августа делегаты первичных собраний отправились в полном составе в Конвент и там предложили крайние революционные меры, предполагавшие отсрочку конституции.

Вернувшись в свои департаменты, эти делегаты выяснили французам невозможность применения новой конституции среди неприятельского нашествия, когда стране угрожала потеря независимости. В общественном мнении произошел поворот.

28 августа Барер заявил в Конвенте от имени Комитета общественного спасения, «что умеренное направление, пользуясь ослаблением полиции безопасности, охлаждает общественное настроение и незаметно подготавливает контрреволюцию, что простое выполнение конституционных законов, предназначенных для мирного времени, было бы недостаточно среди окружающих нас заговоров». Конвент поручил Комитету общественного спасения представить ему свои взгляды по этому поводу, но Комитет не торопился. Он ждал более месяца, и только когда подавление лионского восстания сделалось несомненным, он потребовал декрета (10 октября 1793 г.), согласно которому устанавливалось «временное революционное правительство во Франции до заключения мира». Таким образом, применение конституции 1793 г. было отсрочено на неопределенное время.

Примечания

1 Было выбрано также шесть заместителей: Барбару, Эро де Сешелль, Лантена, Жан де Бри, Фоше, Лавиконтери.

2 «La Societe des Jacobins», т.IV, стр.386. Отметим, что Кондорсе и Барер признавались в этот период монтаньярами, *Robespierre, Lettres a mes commettants*, № 1.

3 «La Societe des Jacobins», т.IV, стр.386, 387, 404; т.V, стр.26, 32.

4 Комиссия обращалась к просвещенному содействию Давида Вильямса. О его пребывании в Париже и о его влиянии см. *M-me Roland. Oeuvres*, ed. Champagneux, т.II, стр.136. Он уехал из Франции, по-видимому, 1 февраля 1793 г. (см. письмо Лебрёна к Гренвиллю, напечатанное мной и журнале «*Revolution Francaise*», т.XVIII, стр.142). Конституционные взгляды Вильямса изложены в «Заметках по поводу последней французской конституции вместе с мнениями относительно выработки новой конституции Давида Вильямса», переведенных с английского гражданином Модрю; Париж 1793 г., in-8 (Arch. nat., ADI, 66). Это сочинение помечено 3 января 1793 г., в нем находится любопытная критика Декларации прав 1789 г.

5 Я воспроизвел этот текст в журнале «*Revolution Francaise*», т.XXXIV, стр.503 и сл.

6 «*Le Republicain*», стр.449 (Нац. библ., Lb.2/733). «*Le Patriote Francais*», 16 и 17 Февраля 1793 г., стр.188, 190.

7 Следует ли заключить отсюда, что Дантон не одобрял проекта конституции или что он хотел, макиавеллическим путем, свалить ответственность за него на Кондорсе (которого монтаньяры, быть может, уже переставали тогда считать в числе своих сторонников) и жирондистов? Ничто не указывает на то, чтобы в это время (в Феврале 1793 г.) уже возникло разногласие между Кондорсе и Дантоном; весьма возможно, судя по всему, что известно о характере Дантона, об его отвращении к канцелярским работам, что он просто не бывал на заседаниях конституционной комиссии.

8 В эту эпоху все демократы отвергли систему двух камер, несмотря на пример Соединенных штатов, где из тринадцати штатов только в двух, Георгии [Джоджии] и Пенсильвании, не было двух палат. В 1790 г. и в Пенсильвании был учрежден сенат. Позднее монтаньяров упрекали в том, что они последовали первому примеру, поданному Пенсильванией, не обратив внимания на второй. См. *Lezay-Marnesia, Qu'est ce que la Constitution de 1793?* (Париж, III год, in-8. Нац.библ., Lb. 41/1723.)

9 «*La Societe des Jacobins*», т.V, стр.23, 30.

10 Заместителями были выбраны Дельма, Дантон, Рабо Сент-Этьенн и Жанбон Сент-Андре («*Proces-verbal*», т.IX, стр.72).

11 «*Patriote Francais*» говорит, что это была «туманная метафизика».

12 Нац.библ., Lb.38/2274, in-8.

13 Нац.библ., Lb.38/2340, 2341, 2342, in-8. Два первых доклада заняты I титулом, касавшимся территориального подразделения, и II титулом, касавшимся избирательного права. Третий доклад содержал в себе новый план обсуждения в том виде, в каком его принял Конвент 13 мая 1793 г. Согласно письму Обелена, на которое мне указал Г. Ле Тео и которое было напечатано в «*Journal des departements, districts et municipalites de la ci-devant Bretagne et des amis de la Republique francaise*» (т.XIV, стр.227), второй из этих докладов был прочитан на заседании 29 апреля 1793 г.

14 Ланжюинэ замечает мимоходом, что идея округов представляет собою остаток системы провинциальных собраний.

15 Нац.библ., Lb.41/2981, in-8.

16 Гийомар хотел полного равенства между мужчиной и женщиной. «Применима ли декларация прав человека и к женщине? - говорит он. - Вот задача, поставленная самой жизнью; мне казалось нетрудным разрешить ее с точки зрения права; вследствие этого я говорю: да, и жду, чтобы более просвещенный человек сказал: нет. В этом случае он будет иметь на своей стороне также преимущество обычая и предрассудка. Я счел нужным бороться с ними, как противоречащими принципам космополитизма, равенства и свободы, которые я исповедую». Менее радикальный Вильямс не склонен допускать замужних женщин к осуществлению политических прав. Вот что он говорит: «Хотя физические свойства женщин, их назначение и занятие отдаляют их от многих обязанностей активного гражданина; хотя, согласно общему мнению, мужчина и женщина, соединенные узами брака, могут быть рассматриваемы как единое моральное существо с единым мнением, тем не менее несомненно, что когда этого условия не существует, т.е. когда женщины остаются незамужними или становятся вдовами, они имеют неоспоримое право вотировать, - право, лишение которого, обращая их таланты на путь косвенного влияния путем интриг, составляет несправедливость, причиняющую многие неудобства». [Декларация прав женщины и гражданки. См. также работы Е.Щепкиной и А.Лассера]

17 Нам известно о существовании и содержании этих двух проектов только по докладу Ланжюиннэ.

18 См. выше, стр.122.

19 См., например, спор, поднявшийся между Робеспьером и Гадэ на заседании Якобинского клуба 26 марта 1792 г. по поводу слова «провидение («La Societe des Jacobins», т.IV, стр.699).

20 См. «La Societe des Jacobins», т.V, стр.150. Якобинцы напечатали отдельно «Декларацию» Робеспьера. Нац. библ., Lb. 40/751. in-8. В Национальной библиотеке можно найти также многочисленные переиздания ее, сделанные при Людовике-Филиппе. Под рубрикой Lb.38/300 находится девять таких перепечаток. Остальные помещены под рубриками Lb.3/44, Lb.38/301, 302, 303. Перепечатки, сделанные при второй республике, находятся под рубриками Lb.54/453 и Lb. 54/453а, сделанные при второй империи - под рубрикой Lb.53/1597, а в 1871 г. - под рубрикой Lb.57/1210.

21 См. в журнале «Revolution Francaise», т.XVIII, стр.132, мою статью о дипломатии первого Комитета общественного спасения.

22 Я заимствую эти и следующие цитаты из отчета «Moniteur'a», переизд., т.XVI, стр.183 и 184.

23 «Journal des departements, districts et municipalites de la ci-devant Bretapne», см. выше, стр.354-355.

24 Я изложил этот план в журнале «Revolution francaise», т.XXXIV, стр.552.

25 В сборнике, озаглавленном: «Isographie des hommes celebres» (Париж 1828-1830, 4 тома, ш-4. Нац. библ., G. 8009), мы находим в виде факсимиле (в I томе) следующее собственноручное письмо Эро де Сешелля к библиотекарю: «7 июня 1793 г. II год республики. Дорогой согражданин, будучи обязан вместе с четырьмя из моих сотоварищей приготовить к понедельнику план конституции, я прошу вас, от их и своего имени, достать немедленно же законы Миноса, которые должны находиться в собрании греческих законов. Нам они крайне нужны. Эро (де Сешелль). Привет, дружба и братство честному гражданину Дезонэ». По поводу этого письма обвиняли в грубом невежестве монтаньяров, и в частности Эро, воображавших, что где-нибудь существует текст «законов Миноса». Но Эро был образованным человеком с утонченной эрудицией, как это доказывается его различными сочинениями, и в частности «Voyage a Montbard» (новое издание которого я напечатал в 1890 г. у Жуоста). В этом путешествии он с самой забавной непочтительностью мистифицирует Бюффона. Для меня очевидно, что и своим письмом к Дезонэ он хотел мистифицировать одного из своих коллег (Сен-Жюста или Бильо-Варенна?), ссылавшихся, быть может, с пафосом на законы Миноса. Я уверен, что всякий пожелавший прочесть внимательно «Путешествие в Монбар» будет принужден согласиться со мною.

26 Arch.nat., AE., I, 10, № 8. Эти манускрипты изящно переплетены в один том, озаглавленный: «Recueil de pieces relatives a la Constitution de 1793, forme par Heralut de Sechelles». Текст рукописи конституции подписан: «Пять редакторов: Heralut, G.Couthon, Saint-Just, D.-U.Ramel, Mathieu». Эти слова и подписи окружены чертой, проведенной пером, а под этой чертой находятся подписи: Dalmas, Cambon Guyton, членов Комитета общественного спасения. Отсюда, невидимому, вытекает, что новый проект конституции был исключительно делом рук пяти членов, присоединенных к Комитету декретом 30 мая 1793 г. - В том же сборнике находится несколько печатных текстов конституции как на французском, так и на различных иностранных языках.

27 «Recucil des actes du Comite de salut publique». т.IV, стр.492.

28 Ibid., стр.498.

29 Он был напечатан по распоряжению Национального конвента. Нац. библ., Lb.38/279, in-8.

30 Речь Рамеля, от имени Комитета общественного спасения, в Заседании Комитета 12 июня 1793 г. («Moniteur», переизд., т.XVI, стр.631).

31 См. выше, стр.315-316.

32 См. выше, стр.354.

33 Декларация прав, принятая 29 мая 1793 г., гласила только в своей статье 23-й, что общественное призрение - священный долг.

34 «Moniteur», переизд., т.XVI, стр.679. Речь Робеспьера передана тождественно в «Journal des Debats» и в «Republican Francais».

35 «Moniteur», переизд., т. XVI, стр.689. «Journal des Debats» и «Republicain francais» передают об этом инциденте почти в тождественных выражениях.

36 См. выше, стр.358.

37 Протокол заседания не упоминает об этом инциденте и не приводит этой исправленной статьи. Мы заимствуем ее текст и рассказ об инциденте из почти тождественных отчетов «Moniteur», «Journal des Debats» и «Republicain Francais».

38 «Proces-verbal», т.XIV, стр.240.

93 Ibid., стр.249.

40 Вот наиболее интересные из других поправок, внесенных в проект Эро де Сешелля. Проект требовал только трехмесячного пребывания в коммуне, чтобы быть допущенным и первичное собрание; Конвент потребовал шести месяцев. Эро предложил составить для избрания депутатов избирательные округа в 50000 жителей; Конвент установил их в 40000. В проекте говорилось о депутатах-заместителях; в окончательном тексте о них не упоминается вовсе. Пользование референдумом было гораздо более облегчено в проекте, чем в принятом тексте: «Если через тридцать дней после рассылки предложенного закона в десяти департаментах одно или несколько первичных собраний не заявят протеста, то Законодательный корпус окончательно принимает или отвергает закон». А вот вотированный текст: «Если через сорок дней после рассылки предложенного закона в большинстве департаментов десятая часть первичных собраний в каждом из них, правильно созванная, не заявит протеста, то проект становится законом». В проекте, для того чтобы было созвано собрание для пересмотра конституции, достаточно было, чтобы в простом большинстве департаментов одно или несколько первичных собраний пожелали этого; Конвент потребовал, чтобы это желание было выражено, по крайней мере, десятой частью всех первичных собраний.

41 «Proces-verbal», т.XIV, стр.218.

42 Без сомнения, вследствие этого неосуществимого характера конституции, госпожа Ролан и называет ее «афишей» («Oeuvres», ed. Шампанье, т.II, стр.303).

43 Многочисленные доказательства этого можно найти в корреспонденции депутатов, находившихся тогда в миссии. См. томы V-VII моего «Recueil des actes du Comite de Saint public». Так, Паганель пишет из Ажана 1 октября 1793 г.: «Республиканская конституция, принятая единодушно французами, обожается до энтузиазма гражданами департамента Ло-и-Гаронны», армии устраивали празднества в честь конституции.

44 Эти два бюллетеня Комиссии шести можно найти в Нац. арх., В.II, 1. Легко заметить, что они не всегда совпадают с алфавитным списком департаментов, находящимся в одном реестре (В.II, 34).

45 В Нац. арх. нет протокола первичного собрания Сен-Донана.

46 Arch.nat. В.II, 1.

47 Arch.nat. В.II, 23.

48 Arch.nat., ibidem.

49 Один из жирондистов, Лантена, более патриот, чем человек партии, развил даже эту точку зрения в очень интересных выражениях в брошюре, озаглавленной: «Motifs de faire du 10 aout un jubile fraternel» (Нац.библ., Lb.38/404, т.VIII, in-8).

50 Arch.nat. В.II, 23.

51 «La Societe des Jacobins», т.IV, стр.343.